

Теренс Маккена

Манифест

**«За новый взгляд
на психоактивные
вещества»**

Пицца богов

Джанфранко Делль'Альба, Оливье Дюпюи, Жан Люк Робер

За пересмотр конвенций
Организации Объединенных наций

**«О наркотических
средствах»**

Three Substitutes for Soma

Теренс Маккена

Оксидентел, Калифорния

апрель 1994 года

**Джанфранко Делль'Альба,
Оливье Дюпюи,
Жан Люк Робер**

c/o European Parliament
rue Belliard 97-113 — Rem. 508

1047 Brussels — Belgium

tel: 32.2.2842579

fax: 32.2.2303670

Транснациональная
Радикальная партия

www.radicalparty.org

Москва, пер. Печатников, 6

т. 7.095.2081805

www.radikaly.ru

издание на русском
языке подготовлено

Ольгой Антоновой

апрель 1994 года

Верстка

goldyz@bigfoot.com

май 2004 года

www.4may.by.ru

Международная
Антипрогибационистская Лига

www.antiprohibitionist.org

Теренс Маккена

Манифест «За новый взгляд на психоактивные вещества»

Пицца богов

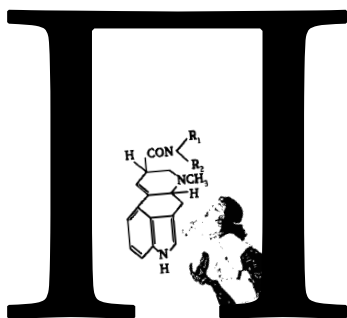
...Вот почему данный текст полезно прочесть современному потребителю чая и кофе, сахара и шоколада, табака и алкоголя, телевидения и моды, считающему, что «наркомания» — это что-то другое. В одном из отмечаемых в книге смыслов, все мы принадлежим к обществу наркоманов, чье поведение контролируется пристрастием к доминирующей пищевой, эмоциональной и ментальной диете, тесно связанной с антиэкологической, саморазрушительной машиной современной цивилизации. А раз так, то, по мысли автора, до тех пор пока мы не осознаем себя рабами этих привычек, наши «декларации независимости» будут значить не больше, чем грезы опьяненного своими пристрастиями человечества, а проекты спасения Земли — являться не более чем предсмертными утопиями, виденьями, в которых напоследок “прокручивается” самое главное из неделанного в жизни.

...Мне весьма приятно узнать, что мои размышления наконец-то переводятся на русский язык. Идеи «Пищи богов», как мне кажется, являют собой усилие слить экстравагантное чувство мистического и таинственного с диалектикой науки и рационального исследования природы. То же самое сочетание я нахожу во многих моих русских друзьях — прелестную напряженность между романтическим мечтателем и трудолюбивым техником и инженером. Отсюда моя надежда на то, что в России эти идеи смогут найти дружественную аудиторию, способную развить мои прозрения в апеллирующую к широким кругам точку зрения. Россия как общество, которому приходится выстраивать себя заново, может многому научиться из ошибок, допущенных на Западе в вопросах научного исследования психоактивных веществ (drugs) {Слово «drug» имеет в английском языке много значений: лекарство, медикамент, снадобье, наркотик, психоактивное вещество (средство) и будет переводиться соответствующим русским словом в зависимости от контекста. — прим. перев.} и формирования относящейся к ним социальной политики. Я надеюсь, что моя книга будет содействовать созданию общества со зрелым и знающим отношением к силе и возможностям психоделического опыта и растениям, его дающим.

Теренс Маккена

Владимир Майков

Оксидентел, Калифорния апрель 1994 г.

Призрак является планетарной культурой — призрак психоактивных веществ. Определение человеческого достоинства, созданное эпохой Возрождения и развитое в демократические ценности западной цивилизации, кажется, находится на грани забвения. Средства массовой информации подробно рассказывают о том, что человеческая склонность к одержимому поведению и пристрастию заключила сатанинский союз с современной фармакологией, маркетингом и скоростными средствами передвижения. Прежде незаметные формы потребления продуктов химии ныне свободно соревнуются на практически нерегулируемом мировом рынке. Легальные и нелегальные вещества, способствующие одержимому поведению, держат в рабстве целые правительства и народы третьего мира.

Ситуация эта не нова, но она ухудшается. До сравнительно недавнего времени международные картели наркотиков были обычным порождением правительств и разведывательных служб, отыскивающих источники «незаметных» средств для финансирования ими же самими утвержденных видов одержимого поведения. /См. книгу Альфреда Маккоя «Политика героина в Юго-восточной Азии» (McCoey A. W., *The Politics of Heroin in Southeast Asia*, New York: Harper Colophon Books. 1972). где на стр. 16 говорится: «При снижении спроса {на героин} до самого низкого уровня за пятьдесят лет и замешательстве среди международных синдикатов правительство США имело уникальную возможность устранить пристрастие к героину — главную социальную проблему Америки. Однако вместо того чтобы нанести смертельный удар этим преступным синдикатам, правительство США — через ЦРУ и его предшественника во время войны УСС (Управление стратегических служб — прим. ред.) — создало ситуацию, которая дала возможность сицилийско-американской мафии и корсиканскому «подполью» восстановить международную торговлю наркотиками.

Сегодня эти картели, в связи с беспрецедентным ростом спроса на кокаин, обратились в диких слонов, перед мощью которых даже их создатели начинают чувствовать себя неудобно. /Victor Marchetti, John D. Marks. *The CIA and the Cult of Intelligence*, New York: Knopf. 1974). p. 256. См. также: Н. Kruger (1980). A. W. McCoy (1972).

Нам предстает грустное зрелище «наркотических войн», которые ведут правительственные учреждения, обычно парализованные летаргией и бездействием или же пребывающие в явном сговоре с международными картелями наркотиков, которые они официально обещают истребить.

Невозможно пролить свет на эту эпидемию потребления психоактивных веществ и злоупотребления ими, если мы не примем беспристрастную переоценку нашей теперешней ситуации и не исследуем некоторые из давних, почти забытых видов опыта и поведения, связанных с психоактивными средствами, растениями и снадобьями. Важность этой задачи невозможно переоценить. Совершенно очевидно, что приватное применение психоактивных веществ, легальных и нелегальных, будет все более и более становиться частью будущего становящейся мировой культуры.

Мучительная переоценка

Любую переоценку нашего потребления веществ следует начинать с понятия привычки — «некой установившейся тенденции или практики». Знакомые, повторяющиеся и в значительной мере неисследованные привычки — это попросту то, что мы делаем. «Люди — это создания привычек», — гласит старинная поговорка. Культура — в значительной степени дело привычек, заимствованных нами от родителей и окружающих, а затем медленно преобразуемых меняющимися условиями и принятыми нововведениями.

Но какими бы медленными ни казались культурные изменения, в сравнении с изменениями видов и экосистем, происходящими медленнее ледниковых периодов, культура представляет собой зрелище бурного и постоянного обновления. Если природа олицетворяет принцип экономии, то культура дает пример принципа обновления через излишества.

Когда привычки истребляют нас, когда приверженность к ним выходит за культурно означенные нормы, мы наклеиваем на них ярлык одержимости. В подобных ситуациях мы чувствуем, что сугубо человеческое измерение свободной воли как бы подвергается насилию. Мы можем стать одержимыми чем угодно: каким-то стереотипом поведения (например, чтением утренней газеты), материальными объектами (коллекционированием), землей и собственностью (строительством небоскребов) либо влиянием на других (политикой).

Хотя многие из нас могут быть коллекционерами, возможностью потакать своей прихоти до степени строительства небоскребов или политической деятельности располагают немногие. Одержимость человека обычного имеет тенденцию фокусироваться на чем-то доступном здесь и теперь — на сфере непосредственного удовлетворения через секс, пищу и наркотики. Одержимость химическими составляющими пищи и наркотиков (называемыми также метаболитами) именуется пристрастием.

Пристрастие и одержимость характерны исключительно для человеческих существ. Правда, обширные анекдотические данные подтверждают наличие стремления к состояниям опьянения среди слонов, шимпанзе и некоторых видов бабочек. /Ronald K. Siegel, Intoxication (New York: E. P. Dutton, 1989). p. 119./ Но, насколько отличаются лингвистические способности шимпанзе и дельфинов от речи человека, настолько очевидно и отличие поведения этих животных от человеческого.

Привычка. Одержимость. Пристрастие. Слова эти — сигнальные знаки на пути все большего убывания свободной воли. Отказ от свободной воли подразумевается в самом понятии пристрастия, а в нашей культуре пристрастие рассматривается серьезно — особенно если оно экзотическое или доселе неизвестное. В XIX веке пристрастившийся к опию был «опиоманом», что намекало на старую идею демонической одержимости какой-то обуславливающей извне силой. В XX веке на смену пристрастию как одержимости, пришло пристрастие как болезнь. А с понятием пристрастия как болезни роль свободной воли окончательно сводится к нулю. Мы ведь, в конце концов, не отвечаем за болезни, которые можем унаследовать или приобрести.

Однако сегодня химическая зависимость человека играет в формировании и сохранении культурных ценностей гораздо более явную роль.

С середины XIX века органическая химия со все возрастающей скоростью и эффективностью предоставляла исследователям, врачам и в конечном счете каждому неисчислимо количество синтетических препаратов. Препараты эти, по сравнению с их натуральными сородичами, более сильные, эффективны, действуют значительно дольше, а в некоторых случаях во много раз больше способствуют пристрастию. (Одно из исключений — кокаин, который, являясь исходно продуктом натуральным, действует особенно разрушительно, когда вводится в виде инъекции в очищенном и концентрированном виде).

Развитие глобальной информационной культуры привело к повсеместному распространению сведений о разнообразных растениях: восстанавливающих силы, афродизиаках, стимуляторах, успокаивающих и психоделических. Эти растения были найдены пытливыми человеческими существами в отдаленных и прежде труднодостижимых уголках планеты. В то же самое время, когда этот поток ботанической и этнографической информации достиг западного общества, способствуя вхождению привычек иных культур в нашу и предоставляя нам гораздо больше возможностей выбора, чем когда-либо прежде, были сделаны важнейшие шаги в области синтеза сложных органических молекул и в понимании молекулярной структуры генов и механизма наследственности. Эти новые знания и технологии способствуют развитию совершенно иной культуры психофармакологиче-

ского производства. Такие «сконструированные препараты», как МДМА, или «Экстаз», и анаболические стероиды, используемые спортсменами и подростками для стимулирования мышечного развития, являются предвестниками эры все более частого и эффективного фармакологического вмешательства в то, как мы видим, действуем и чувствуем.

Мысль об управлении на планетарной шкале ситуацией, связанной сначала с сотнями, а затем с тысячами легко производимых, имеющих большой спрос, но нелегальных синтетических веществ, является пугающей для каждого, кто надеется на более открытое и менее регламентируемое будущее.

Возрождение архаичного

В этой книге будет исследоваться возможность возрождения Архаичного {Здесь и далее «Архаичное» пишется с заглавной буквы, как и в соответствующих местах оригинала, чтобы подчеркнуть метафоричность и особую создаваемую автором мифологию этого понятия. Далеко не случайно другая книга Теренса Маккенны, являющаяся собранием его выступлений и статей, так и называется — «Возрождение Архаичного» (1992). — *Прим. ред*} — то есть доиндустриального и доалфавитного — отношения к общине, использованию веществ и природе, отношения, которое долго и надежно служило нашим кочевым доисторическим предкам до возникновения теперешнего культурного стиля, называемого нами «западным». Это Архаичное относится к верхнему палеолиту — историческому периоду, имевшему место 7–10 тысячелетий назад и непосредственно предшествовавшему изобретению и распространению земледелия. Оно было временем кочевого пастушества и товарищества (партнерства), культуры, основанной на выращивании крупного рогатого скота, шаманизме и культе Богини.

Я организовал это обсуждение в строго хронологическом порядке, при котором последние разделы, более всего ориентированные на будущее, вбирают темы первых глав об Архаичном и придают им новое звучание. Аргументация развивается по ходу странствия пилигрима фармакологии. Так, четыре раздела книги я назвал: «Рай», «Потерянный рай», «Ад» и, надеюсь, не чересчур оптимистично, «Рай, вновь обретенный?» Словарь специальных терминов помещен в конце книги.

Мы, судя по всему, не можем продолжать размышлять о потреблении психоактивных веществ по-старому. Как планетарное сообщество, мы должны найти какой-то новый направляющий образ для своей культуры — такой, который объединит устремления человечества с нуждами планеты и отдельной личности. Анализ той экзистенциальной неполноты в нас, что приводит

к созданию отношений зависимости и пристрастия с растениями и психоактивными средствами, покажет нам, что на заре истории мы утратили нечто ценное, отсутствие чего сделало нас большими нарцисцизмом. Только восстановление тех отношений с природой, которые сложились у нас до начала истории с помощью психоактивных растений, может дать нам надежду на человеческое и беступиковое будущее.

Прежде чем безвозвратно вверить себя химере, свободной от «зелений» культуры, купленной ценой полного отказа от идеалов свободного и демократического планетарного общества, нам следует задать себе такие нелегкие вопросы: «Почему мы, как вид, так очарованы измененными состояниями сознания?», «Каково их влияние на наши эстетические и духовные устремления?», «Что мы потеряли, отвергая законность использования тех или иных веществ, с тем, чтобы лично пережить трансцендентное и священное?» Надеюсь, что ответы на эти вопросы заставят нас взглянуть в лицо последствиям, которые влечет за собой отрицание духовного измерения природы, видение в ней не более как кладезя неких «ресурсов», которые надлежит освоить и разграбить. Квалифицированное обсуждение этих вопросов с привлечением необходимой информации вызовет определенный дискомфорт как у тех, кто одержим идеей контроля и является приверженцем отрицающего знание религиозного фундаментализма, так и у сторонников неприкрытого фашизма и т.п.

Вслед за вопросом о том, как мы — и как общество, и как индивиды — в конце XX века относимся к психоактивным растениям, возникает другой, еще более глобальный вопрос: как на нас влияли те зыбкие альянсы, которые мы создавали и разрывали с разными представителями растительного мира, пока совершали свой путь через лабиринт истории? Этим вопросом мы и займемся подробно в последующих главах.

Первомиф нашей культуры начинается с Рая, свкушения плода Древа познания в «Саду Эдемском». Если мы ничему не научимся у прошлого, история эта может окончиться полным отравлением планеты. Ее леса станут лишь достоянием памяти, биологические связи будут нарушены, наши потомки окажутся уничтоженными пустыней. Если мы что-то проглядели, пытаюсь прежде найти свои истоки и место в природе, то не следует ли нам сегодня оглянуться назад и осмыслить не только свое прошлое, но и будущее, причем совершенно по-новому? Если мы сумеем восстановить утраченное ощущение природы как некой живой тайны, мы сможем поверить в новые перспективы всего замысла нашей культуры, который непременно должен существовать. У нас есть возможность отойти от мрачного исторического нигилизма, характерного для владычества нашей сугубо патриархальной, подавляющей культуры. Мы в состоянии восстановить присутствующую Архаичному ценность почти симбиотического отношения

с психоактивными растениями как источником прозрения и согласия, струящегося из мира растительного в мир человеческий.

Тайна нашего собственного сознания и способностей самореконструкции как-то связана с этим каналом общения с умом незримым, который, согласно настоятельным утверждениям шаманов, является духом живого мира природы. Для шаманов и шаманских культур исследование этой тайны всегда заслуживало большего доверия, чем жизнь в ограничивающей материалистической культуре. Мы, представители индустриальных демократий, можем сделать выбор и исследовать эти незнакомые нам измерения сейчас или ждать, пока надвигающееся разрушение жизни на нашей планете не сделает всякое дальнейшее исследование попросту неуместным.

Новый манифест

Следовательно, пришло время в контексте великого естественного обсуждения, представляющего историю идей, полностью переосмыслить нашу очарованность привычным потреблением психоактивных и физиологически активных растений. Мы должны извлечь определенный урок из эксцессов прошлого, в особенности из шестидесятых годов нашего века. Но нельзя попросту ограничиваться заявлением: «Просто скажите нет», или провозглашать: «Попробуйте, вам понравится». Не можем мы поддерживать и ту точку зрения, что склоняет к разделению общества на «употребляющих» и «неупотребляющих». Нам нужен всеобъемлющий подход к этим вопросам, который включает в себя более глубокий, эволюционный и исторический, смысл.

Влияние способствующей мутациям диеты на древних людей и воздействие экзотических метаболитов на эволюцию их нейробиологии и культуры является все еще неизученной территорией. Выбор ранними гоминидами всеядной диеты и открытие ими особых свойств некоторых растений — вот решающие факторы изъятия древних людей из потока животной эволюции и вхождения их в быстро нарастающий прилив языка и культуры. Наши далекие предки обнаружили, что употребление некоторых растений может подавлять аппетит, ослаблять боль, обеспечивать внезапный прилив энергии и невосприимчивость в отношении патогенных факторов, а также вызывать синергию познавательных способностей. Эти открытия вывели нас на долгий путь к самореконструкции. А поскольку мы стали пользующимися орудиями всеядными, то изменилась и сама эволюция, перейдя от процесса медленного видоизменения нашей физической формы к быстрому установлению культурных форм путем выработки ритуалов, создания языков, письменности, мнемонических искусств и техники.

Причиной этих огромных перемен в значительной мере являлось наличие синергий между людьми и различными растениями, с которыми они взаимодействовали и вместе с которыми развивались. Честная оценка показала бы главенствующую роль растений в основании человеческих институтов. Принятие в будущем вдохновленных ботаникой сбалансированных решений (вроде нулевого прироста народонаселения, извлечения водорода из морской воды и масштабных программ использования отходов) может помочь реорганизации нашего общества и нашей планеты в направлении к более целостной и чуткой к окружающей среде линии Неоархаичного.

Подавление естественной очарованности человека измененными состояниями сознания и сегодняшняя ситуация, представляющая угрозу для всей жизни на земле, связаны тесно и непосредственно. Когда мы преграждаем людям доступ к шаманскому экстазу, мы перекрываем освежающие воды эмоций, проистекающих из глубокой, почти симбиотической, связи с землей. Как следствие этого, возникают и поддерживаются стили общественной жизни с плохой адаптацией, которые способствуют перенаселенности, варварскому отношению к ресурсам и отравлению окружающей среды. Ни одна культура на земле не подвержена столь тяжело наркотизации, как культура индустриального Запада в смысле пристрастия к последствиям поведения, связанного с плохой адаптацией. Мы, как обычно, продолжаем следовать «деловой» позиции в сюрреалистической атмосфере растущих кризисов и непримиримых противоречий.

Нам, как виду, необходимо признать всю глубину нашей исторической дилеммы. *Мы так и будем «играть в полколды», пока тертым главарей от правительства и науки, осмеливающихся диктовать, на чем человеческая любознательность может узаконено сосредотачивать свое внимание, а на чем нет.* Подобные ограничения, налагаемые на воображение человека, унизительны и абсурдны. Правительство не только ограничивает исследования психоделиков, которые могли бы привести к ценным находкам в области психологии и медицины, оно осмеливается также не допускать их религиозного и духовного использования. Религиозное использование психоделических растений — предмет гражданских прав; его ограничение является подавлением вполне законного религиозного чувства. Фактически подавляется не просто какое-то религиозное чувство, а конкретное религиозное чувство как опыт переживания *«religio»* {Благочестие, набожность, святыня, предмет культа (лат.). — Прим. ред.}, основанный на отношениях «растения — человек», которые естественно сложились задолго до начала истории.

Мы не можем более откладывать честную переоценку того, какова истинная цена и польза от традиционного употребления растений и психоактивных веществ и какова, по контрасту с этим,

истинная цена и польза от подавления такого употребления. Наша планетарная культура находится в опасности, так как она может уступить Оруэллову усилию, направленному просто-напросто на уничтожение этой проблемы с помощью военного и полицейского террора, обращенного против потребителей психоактивных веществ в нашей популяции и их производителей в третьем мире. Эта репрессивная возможность в значительной степени подпитывается бессознательным страхом, являющимся плодом дезинформации и исторического невежества.

Рассмотрение глубоко укоренившихся культурных предубеждений может объяснить, почему вдруг западный ум столь тревожно и репрессивно настроен против способствующих созерцанию психоактивных веществ. Вызванные этими веществами изменения в сознании, обнажают драму того, что наша психическая жизнь имеет физические основания. Психоактивные вещества бросают, таким образом, вызов христианскому предположению о несокрушимости и об особом онтологическом статусе души. Аналогичным образом они бросают вызов и современной идее несокрушимости «эго» и его контролирующих структур. Короче говоря, встречи с психоделическими растениями ставят под сомнение все мировоззрение нашей культуры — культуры подавления, культуры владычества.

В нашем пересмотре истории мы будем часто встречаться с темами «эго» и культуры владычества. Фактически ужас, который испытывает «эго» при созерцании растворения границ между самостью и миром, стоит не только за подавлением измененных состояний сознания, но и вообще за подавлением всего женственного, чужеродного и экзотичного, а также за подавлением трансцендентных переживаний. Во времена доисторические, но Постархаичные — где-то между 5-м и 3-м тысячелетиями до н. э. — подавление общества партнерства патриархальными захватчиками создало основу для подавления проводимого шаманами неограниченного экспериментального исследования природы. В высокоорганизованных обществах эта Архаичная традиция была замещена традицией догм, жречества, патриархии, войн и в конечном счете «рациональными и научными» ценностями, т.е. ценностями общества владычества.

До этого момента я пользовался терминами «стиль партнерства» и «стиль владычества» без объяснений. Этими полезными терминами я обязан Риане Эйслер и весьма серьезному пересмотру истории в ее книге *«Кубок и клинок»*. / Riane Eisler, *The Chalice and the Blade* (San Francisco: Harper & Row, 1987)/ Эйслер развивает концепцию, согласно которой «партнерские» модели общества предшествовали «владыческим» формам социальной организации, а впоследствии конкурировали с ними и были ими сокрушены. Культуры владычества иерархичны, патерналистичны, материалистичны, отличаются господствующим положением

мужского пола. Эйслер полагает, что напряженность между организациями, основанными на партнерстве и организациями, основанными на владычестве, а также крайний экстремизм модели владычества ответственны за наше отчуждение от природы, от самих себя и друг от друга.

Эйслер дает блестящий анализ того, как на древнем Ближнем Востоке возникла человеческая культура и переходит к описанию политических дебатов о феминизации культуры и необходимости преодоления шаблонов мужского доминирования при создании культуры жизнеспособной. Ее анализ «половой» политики выводит уровень дебатов за пределы крикливого восхваления или порицания древнего «матриархата» или «патриархата». В книге «Кубок и клинок» вводятся понятия «общества партнерства» и «общества владычества», и на основании свидетельств памятников археологии показывается, что на огромных пространствах и в течение многих веков партнерские общества древнего Ближнего Востока обходились без войн и переворотов. Войны и патриархат пришли с появлением ценностей владычества.

Наследие владычества

Наша культура, отравляющая себя ядовитыми побочными продуктами индустрии и эгоцентристской идеологией, является несчастным наследником позиции, свойственной владычеству, согласно которой изменения сознания путем потребления тех или иных растений или веществ почему-то ошибочно, онанистично и антисоциально. Я же докажу, что подавление шаманского гнозиса с его опорой на экстатическое растворение «эго» и настаиванием на таком растворении лишило нас смысла жизни и сделало врагами планеты, самих себя и своих внуков. Мы убиваем нашу планету ради того, чтобы сохранить в неприкосновенности упорные претензии, присущие культурному стилю владычества «эго».

Время перемениться

Джанфранко Делль'Альба, Оливье Дюпюи, Жан Люк Робер

За пересмотр конвенций Организации Объединенных наций «О наркотических средствах»

Война с наркотиками окончательно проиграна. Поражение прогибиционистского режима признается в настоящее время как многочисленными официальными лицами, так и все более широким кругом представителей общественного мнения.

Итог этой войны неутешителен. Полицейским и таможенным службам удается перехватить лишь от 5 до 10% от общего объема оборота наркотических средств. Этот объем, к тому же, постоянно растет. Цена на героин с момента производства до момента розничной продажи возрастает в 1700 раз. В настоящий момент один грамм героина стоит в десять раз дороже одного грамма золота.

Подобное положение вещей не оставляет более места для сомнений. Прогибиционизм превратил торговлю наркотиками в самый прибыльный бизнес на планете и продолжает оставаться основной причиной его дальнейшего процветания. Никогда еще в мирное время действующий закон не был так поруган и не вызывал таких разрушительных последствий.

А. Предисловие

Война с наркотиками окончательно проиграна. Поражение прогибиционистского режима признается в настоящее время как многочисленными официальными лицами, так и все более широким кругом представителей общественного мнения.

Итог этой войны неутешителен. Полицейским и таможенным службам удается перехватить лишь от 5 до 10% от общего объема оборота наркотических средств. Этот объем, к тому же, постоянно растет. Цена на героин с момента производства до момента розничной продажи возрастает в 1700 раз. В настоящий момент один грамм героина стоит в десять раз дороже одного грамма золота.

Подобное положение вещей не оставляет более места для сомнений. Прогибиционизм превратил торговлю наркотиками в самый прибыльный бизнес на планете и продолжает оставаться основной причиной его дальнейшего процветания. Никогда еще в мирное время действующий закон не был так поруган и не вызывал таких разрушительных последствий.

Возможно, необходимо десятикратно ужесточить репрессивные меры (и без того уже значительно усиленные за последние двадцать лет) для нанесения, если и не окончательного, то, во всяком случае, ощутимого удара по торговле наркотиками.

Такова в сжатом виде основа хорошо разработанной теории, которая вот уже тридцать лет развивается параллельно с эволюцией самого феномена наркотиков и с постоянным ухудшением ситуации в этой области.

Личные свободы как основа демократии

В начале 60-х годов употребление наркотиков, будучи распространенным лишь в очень узком кругу, не составляло для Европы социальной проблемы. То же самое можно сказать и о Соединенных Штатах, где распространение наркотиков хотя и приобрело более широкий, чем в Европе, размах, но все же продолжало оставаться еще достаточно маргинальным явлением. Однако именно к этому периоду, а именно к 1961 году, относится принятие Единой Конвенции ООН о наркотических средствах (далее — Единая Конвенция), в которой окончательно воплотились прогибиционистские принципы. Это позволило ООН постоянно усиливать свое давление и контроль в этой сфере, что привело, в свою очередь, благодаря принятию Венской Конвенции 1988 года о борьбе против

незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее — Конвенция 1988 г.), к санкционированию на мировом уровне концепции «войны с наркотиками» как завершающего этапа прогибиционизма.

По мере расширения рынка наркотиков и, в особенности, после резкого увеличения потребления героина соображения, в основном, криминологического, социально-медицинского, экономического и институционального характера продемонстрировали причины несостоятельности подобной политики. Они свидетельствовали о том, что Прогибиционизм не только опирается на весьма сомнительные принципы, но и, оставаясь весьма далеким от достижения намеченных целей, является источником возникновения целого ряда разрушительных последствий, превосходящих по своей серьезности и масштабности весь мыслимый ущерб от того явления, с которым, как принято считать, он, собственно, и борется.

Прежде чем предложить альтернативную модель, основанную на принципе легализации наркотиков, мы хотели бы представить краткий обзор основных критических замечаний в адрес прогибиционистского режима и его последствий.

Последствия политики прогибиционизма

Экономический аспект: при годовом обороте наркотических средств, составляющем, по оценкам ООН, 500 миллиардов долларов, международная наркомафия, контролирующая незаконную торговлю наркотиками, практикует внедрение своих агентов и коррумпирование властей, что ведет к дестабилизации на самом высоком уровне в экономических, финансовых, политических и посреднических сферах как в странах-производителях, так и в странах-потребителях. Обладая подобной властью, различные картели, «триады» и прочие мафиозные структуры получают также возможность влиять на принятие политических решений с целью сохранения или усиления существующего прогибиционистского режима.

Медицинский и социальный аспекты: политика прогибиционизма и репрессий, превращая потребителей наркотиков в социальных маргиналов, лишает их возможности пользоваться услугами различных медицинских и социальных служб. Такая ситуация не может не спровоцировать усиление «фактора риска» и, как следствие, распространение инфекционных заболеваний среди наркоманов, а в дальнейшем и среди всего остального населения. Отсутствие легальности в этом вопросе влечет за собой также и низкое качество применяемых наркотических средств, которые, напомним, не проходят никакого контроля, последствия

чего (связанные в первую очередь с передозировкой) нам хорошо известны.

Судебный, и правовой аспекты: среди наиболее серьезных последствий особо следует упомянуть нарушение презумпции невиновности, увеличение сроков наблюдения, обыск без соответствующего ордера, «перегрузка» судебной системы, телефонные прослушивания, «контролируемые» поставки, продление сроков предварительного заключения, переполнение тюрем и т.д. Кроме этого, Прогибизионизм способствовал развитию городской преступности в соответствующем направлении, так что теперь две трети преступлений, совершаемых в больших городах, оказываются так или иначе связанными с наркотиками или, точнее, с законами о наркотиках. В результате, любой гражданин, в особенности наиболее незащищенный, может стать потенциальной жертвой этой микропреступности.

Наконец, с точки зрения **человеческих ресурсов:** наблюдается рост бюрократии, обладающей все более широкими полномочиями, в обязанности которой входит борьба с наркотиками; кроме того, происходит развитие, часто бесконтрольное, рынка (и, следовательно, интереса), «дезинтоксикационных» средств.

Экономические последствия прогибизионизма заслуживают более глубокого критического анализа, поскольку если на концептуальном уровне станет очевидной прямая связь между прогибизионизмом и ростом оборота и потребления запрещенных наркотиков, уже невозможно будет далее утверждать, что это всего лишь негативный побочный эффект, с которым следует смириться как с наименьшим злом. Напротив, признание того факта, что прогибизионизм несет ответственность за распространение наркотиков, автоматически означает разрушение всей идеологической конструкции, которая тут же лишится всех своих основ.

Никто не станет оспаривать тот факт, что существующая политика в отношении наркотиков, как и любой Прогибизионизм, ведет к резкому увеличению их цены на рынке. Это следствие того, что называется «crime tariff» или «criminalization tax», род налога за риск, устанавливаемого торговцами наркотиками. Получаемая при этом прибыль настолько велика, что всегда найдутся люди, готовые ради нее идти на риск, распространяя запрещенные наркотики. Если же говорить о потребителях, то установка предельной цены вовсе не является для них препятствием, но, напротив, парадоксальным образом лишь способствует развитию рынка.

В самом деле, деятельность, связанная с «criminalization tax» и «multilevel-marketing», оказывается в рамках наркоэкономики очень эффективной, что чрезвычайно опасно, поскольку она порождает такую систему, при которой наркоманы для того, чтобы иметь возможность приобрести наркотики, вынуждены сами заниматься их распространением, вербуя все новых и новых

клиентов и предлагая товар все худшего и худшего качества. И это уже не говоря о «вынужденных» кражах и проституции.

Это отнюдь не мелкий парадокс прогибиционизма — создать искусственный дефицит вокруг широко распространенного продукта, прогибиционная цена которого лишь способствует росту клиентуры. Действительно, наркоэкономика представляет собой сверхсовершенную систему, совмещающую в себе положительные стороны как монопольной, так и конкурентной экономики и лишенную всех их недостатков, целью которой является получение максимальных прибылей и обеспечение бесконечного увеличения спроса. Таковы основные последствия проводимой политики, свидетельствующие о необходимости изменения модели, установленной международными Конвенциями ООН.

Антипрогибиционистский выбор

В противовес к действующему вот уже тридцать лет прогибиционистскому режиму все большую силу набирает антипрогибиционистская доктрина в вопросе наркотиков. Она основывается на важнейшем правовом принципе, согласно которому государство не может запрещать и пресекать действия, не наносящие ущерба другому лицу (преступление без жертвы). Антипрогибиционистское движение разработало модели, предусматривающие легализацию наркотиков и направленные одновременно на сокращение распространения наркотиков и уменьшение негативных последствий действующего режима. В зависимости от степени легализации можно выделить три основных модели, которые, впрочем, не являются закрытыми и могут взаимодополняться: медицинская модель, «пассивная продажа» и либеральная модель.

Медицинская модель, без сомнения, является наименее революционной. Она менее всего отличается от действующей ныне модели. Смысл ее заключается в том, чтобы предоставить медицинским работникам исключительное право назначать запрещенные сегодня препараты. Предусматриваются такие значительные ограничения, как выдача в аптеках героина лишь малыми инъекционными дозами с их употреблением, при возможности, на месте. Противники такой модели утверждают, что она сведется к замене уголовного надзора на медицинский. Тем не менее, преимуществом этой модели является ее способность внести успокоение в общественное мнение.

Модель «пассивной продажи» выступает за создание в каждой стране государственной монополии на производство, переработку, ввоз и продажу запрещенных сегодня веществ. Она направлена на обеспечение наличия этих веществ для их потребителей и исключает любую форму рынка.

Либеральная модель предоставляет рыночным законам, в особенности законам спроса и предложения, возможность

самим регулировать наличие, стоимость и вид предлагаемого товара.

В реальности наиболее стабильной моделью станет, по-видимому, компромисс между этими тремя различными подходами, не исключающий возможность дальнейшей эволюции. В самом деле, если различные антипрогибиционисты сходятся на том, что переход от существующей ныне модели к режиму легализации наркотиков должен произойти резко, с тем чтобы нанести решительный удар по черному рынку, то «приручение» самих наркотиков должно происходить постепенно. По этой причине не следует, наверное, исключать возможности продажи наркотических средств в аптеках по медицинским рецептам, а через несколько лет — возможности перехода к более гибкой системе регламентации. Тем не менее, в вопросе конопли (каннабиса) и ее производных, уже можно говорить о существовании широкого консенсуса, основанного на признании необходимости установления для них тех же регламентационных правил, что и в отношении табака и алкоголя, а именно: свободную продажу с такими ограничениями, как полный запрет на рекламу и продажу несовершеннолетним.

Что же касается таких сильнодействующих наркотиков, как героин и кокаин, то они могут продаваться в аптеках по медицинским рецептам. При этом врачи, конечно же, должны обладать разрешением на проведение подобных программ поддержки, а специальные медико-санитарные структуры — техническими средствами для обеспечения реализации этих программ. Цены на препараты должны одновременно способствовать сокращению потребления и не допускать возникновения параллельного рынка.

Весь процесс, от изготовления до розничной продажи (и не только этот последний этап), должен регламентироваться таким образом, чтобы уменьшить негативные последствия для наркомапов не только с медицинской и социальной точек зрения, но также и с точки зрения их гражданских прав и демократии в целом.

Параллельно с эволюцией теории антипрогибиционизма, которая от критики основополагающих принципов прогибиционизма перешла к разработке альтернативных моделей с целью принятия наиболее приемлемых для общества и наиболее эффективных для потребителей решений, возникло и обрело силу индуктивное и прагматическое движение, направленное на уменьшение негативных последствий, вызванных потреблением наркотиков (*drag related harm reduction*). На концептуальном уровне речь идет о том, чтобы не рассматривать более наркотики как абсолютное зло, которое необходимо искоренить любой ценой, а воспринимать их как феномен, являющийся, хотим мы этого или нет, частью действительности, и нуждающийся в максимально возможной адаптации. Другими словами, речь

идет о том, чтобы вместо борьбы за воздержание постараться уменьшить негативные последствия от употребления.

Движение за уменьшение негативных последствий обрело такой размах, что отныне (особенно после осознания политиками масштаба опасности, связанной с эпидемией СПИДа) оно выходит уже за рамки нескольких крупных европейских городов-инициаторов и становится официальной линией поведения многих европейских правительств.

Такое изменение политики носит чисто революционный характер, поскольку является равнозначным признанию поражения репрессивной стратегии и отказу от одной из основополагающих догм прогибиционизма, согласно которой не может существовать промежуточного этапа при решении задачи полного отказа от наркотиков.

Не следует, тем не менее, впадать в излишний оптимизм. В первую очередь, потому, что политика «harm reduction» вынуждена ограничиваться рамками Конвенций ООН 1961, 1971 и 1988 гг. И все же, она может заметно улучшить положение наркоманов с медицинской и социальной точек зрения, а также сократить количество мелких правонарушений. Вместе с тем, она практически не способна никак повлиять на деятельность подпольного рынка и предотвратить многие негативные последствия этой деятельности. Более того, такая политика может стать источником возникновения ошибочных представлений в общественном мнении, которое, возможно, возложит ответственность за рост наркомании и связанной с ней преступности на терпимость властей по отношению к наркоманам. Наконец, эта политика способна послужить ширмой для тех правительств, которые, будучи вынужденными признать ее некоторую эффективность и определенные заслуги, не хотят, тем не менее, отказываться от действующего сегодня прогибиционистского режима.

Политика «harm reduction», как же, как и кампания за депенализацию каннабиса и его производных, обретает смысл только в том случае, если она является частью общей стратегии, выступающей за контролируруемую легализацию всех видов наркотиков. Осознание этой необходимости дало в последнее время значительные и порой-неожиданные результаты. Такие, как Обращение к новой администрации Клинтона с призывом прекратить войну против наркотиков, подготовленное такими известными деятелями, как Милтон Фридман и Джозеф Макнамара; Манифест Г.Гарсиа Маркеса, подписанный многими видными деятелями Испании и Латинской Америки и напечатанный в испанском еженедельнике «Cambio 16»; создание во Франции Движения за контролируемую легализацию (наркотиков) (Mouvement pour la Legalisation Controllee); появление все более многочисленных заявлений во всех странах мира, таких, например, как заявления Генерального секретаря Интерпола Реймонда Кендалла, который

недавно выступил за декриминализацию всех видов наркотиков. Не следует также забывать и о многочисленных передовых статьях в таких известнейших газетах, как «Independent» и «Economist», и о международных конференциях, как, например, конференции, состоявшиеся в Балтиморе и в Вашингтоне в ноябре 1993 года.

Однако параллельно с осознанием необходимости действовать в этом направлении все очевиднее становится негативная роль Конвенций ООН, составляющих сегодня основное препятствие на пути к введению антипрогибиционистского законодательства. Действительно, государства-участники являются сегодня прогибиционистами в силу выполнения ими положений Конвенций ООН о наркотиках, в особенности, положений Единой Конвенции ООН. Сама же Организация Объединенных Наций представляет собой прогибиционистскую организацию в силу принятия ею прогибиционистских Конвенций по требованию государств-членов ООН...

Из этой парадоксальной ситуации, чтобы не сказать порочного круга, и ООН, и государства-участники могут выйти лишь отказавшись от ныне действующих Конвенций. Далее, в нашем анализе, мы попытаемся наметить первые шаги к решению этой проблемы.

Для этой цели мы хотим представить, прежде всего, краткое изложение доклада,¹ подготовленного Международной Антипрогибиционистской Лигой, о возможностях изменения или отмены с использованием, адекватных юридических средств Конвенций 1961 и 1988 годов. Во второй части, исходя из изложенных соображений, мы намечаем возможные направления парламентских и политических инициатив.

¹ Доклад о возможностях изменения или денонсации Конвенций ООН о наркотических средствах с позиции антипрогибиционизма, *Les Cahiers de la L.I.A.*, 1994

В. Анализ возможностей изменения и/или денонсации конвенций ООН

ВВЕДЕНИЕ

1. Политика в отношении наркотиков регламентируется на международном уровне тремя Конвенциями ООН: Единой Конвенцией о наркотических средствах 1961 г., Конвенцией о психотропных веществах 1971 г. и Венской Конвенцией о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.

Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 г. представляет собой международный договор, целью которого является предупреждение и борьба с наркоманией с помощью координированных и универсальных мер. Она прекратила действие всех предыдущих Конвенций в этой области.

Эта Конвенция выдвигает принцип (содержащийся как в Преамбуле, так и в ст.4 основного текста Договора), согласно которому «хранение, употребление, продажа, распространение, ввоз, вывоз, изготовление и производство наркотических средств должны быть ограничены медицинскими и научными целями». Проще говоря, этот международный текст утверждает прогибационизм и репрессивную политику в отношении запрещенных наркотиков на мировом уровне.

2. Для достижения этой цели Стороны, присоединившиеся к Конвенции и заявляющие в Преамбуле о *«своей озабоченности здоровьем и благополучием человечества»*, намечают *руководящие принципы*, реализация которых поручается *международным органам контроля*.

Если говорить о сути документа, то текст предусматривает две дополнительные формы вмешательства и контроля: первая, относясь к *превентивному типу*, применяется в отношении легального рынка, научного и медицинского; вторая, репрессивного типа, касается незаконного оборота, незаконного потребления и наркомании. *Превентивная* форма направлена, в основном, на предупреждение возможности использования наркотиков, применяемых в медицинских и научных целях, для незаконного

оборота. *Репрессивная* форма состоит в том, чтобы установить международное правовое сотрудничество с целью наказания и пресечения деятельности наркоторговцев.

Контроль над легальным рынком основывается на ряде превентивных мер национального и международного характера в отношении веществ, классифицируемых как наркотики (ст.2 и 3). Эти меры предусматривают обязательное представление государствами-участниками в органы контроля — Комиссию по наркотикам Экономического и Социального Совета и Международный комитет по контролю над наркотиками (ст.5 и 18) — *исчислений потребностей государства* в наркотических средствах (ст. 19), *статистических сведений* по производству (ст.20), регулярных докладов с информацией о положении в стране. Эти меры позволяют определять политику изготовления (ст.29), ввоза (ст.21), вывоза (ст.31) и распределения (ст.30) *исключительно в медицинских и научных целях*. Такая политика осуществляется на национальном уровне посредством деятельности специальных *контролируемых государством предприятий* по производству наркотиков, изготавливающих их небольшими розничными партиями (ст.29). Положения, связанные с такими культурами, как опийный мак, листья кока и каннабис (ст.23 и 28), дополняют общие положения относительно первичных растительных веществ.

Что касается контроля над незаконным оборотом наркотиков, то, согласно Конвенции, он должен начинаться с контроля над культивированием. В самом деле, незаконное производство мака, листьев кока и каннабиса является основным источником этого оборота. Не обладая возможностью уничтожить непосредственно сам источник, международное право надеется повлиять на него с помощью *репрессивных мер*, направленных на борьбу с наркоторговцами. На решение этой задачи направлены три постановления Единой Конвенции: рекомендация государствам применять «адекватные» меры по пресечению серьезных правонарушений в области торговли наркотиками (ст.36), меры, касающиеся конфискации обнаруженных наркотических веществ (37), и меры по международному правовому сотрудничеству и взаимопомощи, в особенности в вопросе выдачи преступников (ст.35). Положения о сотрудничестве получили свое максимальное развитие в *Венской Конвенции 1988 года о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ*. По сравнению с предыдущими Конвенциями она содержит более жесткие формулировки в том, что касается выдачи преступников (ст. 6), международной *юридической взаимопомощи* (ст.7), *репрессивных процедур* (ст.8) и *незаконного культивирования* (ст.14), а также формулирует новые виды международных преступлений («отмывание» денег, подстрекательство,говор...) и устанавливают особую процедуру по выявлению торговцев наркотиками: *контролируемые поставки* (ст. 11).

В настоящее время мы вынуждены признать *историческое поражение Единой Конвенции*. Она не только не смогла сдержать рост наркомании в мире (результаты сравнительного анализа данных по потреблению и производству за 60-е и 80-е годы весьма удручающие), но, более того, спровоцировала ряд *негативных последствий*, о которых говорилось выше, вызывающих сегодня сильное общественное беспокойство.

В связи с этим встает вопрос о том, каким образом следует организовать атаку с позиций антипрогибиционизма на Единую Конвенцию. Прежде чем изучить техническую сторону процедуры изменения, предусмотренной самой Конвенцией, и предложить проекты существенных изменений, необходимо сформулировать несколько базовых принципов, опираясь на которые можно было бы избрать оптимальный подход к решению нашей задачи.

I. БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ

а) Принцип экономии средств

3. Первым принципом является *принцип экономии средств*, смысл которого состоит в том, чтобы *подвергнуть текст статей Единой Конвенции минимально возможным изменениям*. Этот принцип справедлив одновременно и в отношении формы, и в отношении содержания.

Что касается формы, то следует прежде всего отметить, что Единая Конвенция составлена с использованием языка и технических средств англо-саксонского права, в результате чего документ не всегда является образцом лаконичности и ясности. Эти недостатки проявляются в максимальной степени, например, там, где речь заходит о самом *понятии «наркотическое средство»*, лежащем в основе постановлений о международном контроле. *Вместо концептуального определения* самого понятия дается лишь *отсылка к списку*, состоящему более чем из ста веществ, классифицируемых... как «наркотические средства»! Так что нам следует ограничиться минимально необходимыми изменениями антипрогибиционистской направленности.

Что касается содержания, то подобная «сдержанность» еще более оправдана тем, что число юридических источников международного контроля никак не ограничивается одной лишь Единой Конвенцией 1961 года. Она была не только модифицирована Протоколом 1972 года, но и дополнена и исправлена двумя важнейшими международными текстами: *Конвенцией 1971 года о психотропных веществах* и, в особенности, *Конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ*, подписанной в Вене в 1988 году.

Первая из этих Конвенций является практически копией Единой Конвенции и устанавливает международный контроль, хотя и определенно менее жесткий, над так называемыми психотропными веществами, производимыми, в основном, фармацевтической промышленностью. Схожесть редакций обоих текстов позволяет нам, таким образом, перенести, *mutatis mutandis*, изменения, предложенные для Единой Конвенции о наркотических средствах, на Венскую Конвенцию 1971 г. о психотропных веществах. В настоящем исследовании мы отметим лишь то, что любое видоизменение первой является действительным и для второй, учитывая схожесть двух текстов, особенно в вопросе классификации. Это соответствует также принципу экономии средств.

Напротив, *принцип экономии средств не может распространяться на Венскую Конвенцию 1988 года*, отличающуюся, прежде всего, своей репрессивной направленностью. Принятая во имя «войны с наркотиками», эта Конвенция является, с точки зрения антипрогибиционистской логики, абсолютно «неизлечимой» (за исключением одной части Преамбулы). Единственным решением здесь может быть лишь требование *ее полной и безусловной отмены*. Следует, впрочем, отметить, что некоторые страны так и не присоединились к ней именно в силу ее исключительной жесткости.

Тем не менее, она вступила в действие в конце 1990 г., а 31 декабря 1993 г. была ратифицирована 92 странами. Для того, чтобы она прекратила свое действие, государства-участники должны воспользоваться процедурой *денонсации* (ст.30). В любом случае, все антипрогибиционисты сходятся на том, что эта Конвенция «*должна быть разрушена*»: того же некогда (по причинам, правда, полностью противоположным) добивались Соединенные Штаты в отношении Женевской Конвенции 1925 г. о препаратах, содержащих опий, мешавшей им навязать миру свою прогибиционистскую логику.

в) Принцип возвращения к истокам

4. Этот исторический пример подводит нас к следующему принципу настоящего исследования: *принципу возвращения к истокам международного контроля*. Действительно, необходимо напомнить, что контроль, установленный Единой Конвенцией, существовал далеко не всегда, в то время, как наиболее употребляемые наркотические средства (опий, листья кока, каннабис) известны и используются на протяжении уже многих веков. Даже в момент возникновения международного контроля, начало которому положила Гагская Конвенция 1912 г., меры, предлагавшиеся международным правом, были далеки от того, чтобы называться прогибиционистскими.

Так, например, Женевская Конвенция от 11 февраля 1925 г. о запрете на продажу и употребление препаратов, содержащих опиум, была в действительности менее прогибационистской, чем позволяло предположить ее название. В ней предусматривалась возможность существования систем производства и распределения, находящихся под *монопольным государственным контролем* и дававших существенную часть налоговых поступлений в казну государств-участников этой Конвенции. Так, Англия и Франция производили и продавали опиум в своих индийских и индокитайских колониях вплоть до пятидесятых годов. Франция, кроме того, эксплуатировала производство в Марокко и Тунисе специальной смеси табака и гашиша, носящей традиционное название «*kif*» или «*takouri*». В случае с *опием* существование международного контроля с системой национального распределения стало возможным благодаря отсутствию в первых международных Конвенциях четко сформулированных постановлений, ограничивавших бы использование опиума лишь медицинскими и научными целями. Так, статья 9 Гаагской Конвенции 1912 г. предусматривала обязательства Сторон ограничить использование наркотических средств исключительно медицинскими и иными «*законными*» целями. Таким образом, это определение оставляло широкий простор для возможных интерпретаций.

Лишь в начале 30-х годов, под давлением Соединенных Штатов, принимается новая Женевская Конвенция 1931 г., впервые четко сформулировавшая *принцип ограничения использования наркотиков лишь медицинскими и научными целями* (ст.4). Следовательно, можно сказать, что именно этот принцип положил начало прогибационистской и репрессивной системе (см. *выше п.1*). Запретив использование наркотических средств в немедицинских целях, договор 1931 г. внес исторические изменения в область применения международного контроля.

Для возвращения к истокам международного контроля с целью снятия подобного ограничения и восстановления статуса-кво, при котором было возможно совмещение контроля с существованием систем распределения наркотиков, достаточно добавить слова «*или в иных целях*» в постановление Конвенции, ограничивающее применение наркотических средств «*медицинскими и научными целями*». Добавление слов «*или в иных целях*» полностью меняет направленность всего договора. Ограничение же «*медицинскими, научными или иными целями*» допускает, по сути, употребление наркотических средств с целью *получения удовольствия*, и даже наркоманию. Это, впрочем, не исключает возможности борьбы с наркоманией согласно задачам, поставленным Единой Конвенцией, уравнивая принцип возвращения к истокам идеей необходимости международного контроля над наркотическими средствами.

с) Принцип адаптивования

5. Последним принципом настоящего исследования является принцип *адаптивования* Единой Конвенции к задачам антипрогибиционизма, поскольку, как ни парадоксально это прозвучит, *логические основы прогибиционизма и антипрогибиционизма* — противоположные а priori — могут стать *взаимодополняющими*. Проще говоря, было бы, наверное, правильнее *изменить* направленность и *адаптировать* международный контроль к задачам антипрогибиционизма (сохранив при этом частичные запреты), чем предлагать *революционную перестройку*, распространяя на запрещенные наркотические средства тот же режим, что и на табачные и алкогольные изделия.

Частичное сохранение некоторых запретов при определенных обстоятельствах было бы вполне уместным, в особенности в тех случаях, когда *даже разовое употребление наркотика может оказаться особо опасным для окружающих*. Так, например, фенциклидин или Р.С.Р., как бы в насмешку прозванный «ангельским порошком», способен вызвать безумную ярость (в результате чего человек становится агрессивным и может причинить вред окружающим и самому себе) и стать причиной целого ряда убийств (дело Шарон Тэйт). Мы не видим особой необходимости заменять прогибиционный режим в отношении этого вещества на режим контролируемой легализации, тем более, что *негативные последствия от прогибиционно-репрессивной политики в данном случае достаточно незначительны*.

Иногда запрет и в самом деле оказывается *успешным, но лишь тогда, когда он применяется частично*. Так, например, запрещение абсента во Франции согласно закону 1915 года, при котором хватило ума запретить лишь этот один, наиболее опасный для здоровья вид алкоголя, оставив потребителям такие *заменяющие его напитки*, как анисовый аперитив, рассматривается как успешное медико-социальное мероприятие. Можно привести в качестве примера также запрещение эфира в Ирландии и амфетамина в Японии.

II. ТЕХНИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЕДИНОЙ КОНВЕНЦИИ

6. Возможность изменения Единой Конвенции предусмотрена положениями самой Конвенции, которая позволяет сделать это четырьмя способами, представляющими для нас различный интерес. Это процедуры *оговорок* (ст.49 и 50 1), *денонсации* (ст.46 2), *деклассификации* (ст.3.3) и *внесения поправок* (ст.47 4).

§ 1. Процедура внесения оговорок согласно статьям 49 и 50

7. Возможность внесения со стороны государства оговорок в отношении некоторых постановлений Единой Конвенции заслуживает внимания, т.к., в принципе, позволяет отсрочить выполнение этих постановлений с помощью процедуры, единой для всех Сторон. Вместе с тем, возможности этого способа весьма ограничены. С одной стороны, *его можно использовать только в отношении тех постановлений Конвенции, которые перечисляются в ст. 49 и 50, с другой, его осуществление» возможно лишь в момент подписания, ратификации или присоединения к Конвенции.*

Количество постановлений Конвенции, по отношению к которым можно применить данный способ, зависит от того, носят ли эти оговорки *переходный* или *окончательный* характер. Что касается первых (ст.49), то Конвенция предусматривает:

«1. При подписании, ратификации или присоединении каждая Сторона может оговорить за собой право временно разрешать на любой из своих территорий:

- а) квазимедицинское употребление опия;
- б) курение опия;
- в) жевание листьев кока;
- д) употребление каннабиса, смолы каннабиса, экстрактов и настоек каннабиса для немедицинских целей; и
- е) производство и изготовление наркотических средств, упомянутых в подпунктах а–д, и торговлю ими для указанных там целей».

Некоторые государства на деле воспользовались возможностью разрешить традиционное употребление наркотиков (как, например, Индия и Пакистан в отношении курительного опия, а Боливия и Перу в отношении листьев кока), что *является значительным исключением из принципа использования наркотиков только в медицинских и научных целях*, провозглашенного Единой Конвенцией, а также признанием традиционного характера некоторых культур, выращиваемых и употребляемых на протяжении веков местными жителями, в особенности крестьянами.

К несчастью, эти переходные оговорки подчинены жестким условиям как в вопросе сроков их действия, так и в вопросе соответствующего им режима. В ст. 49 Конвенции далее говорится следующее:

«2. Оговорки, сделанные согласно пункту 1, подлежат следующим ограничениям:

- а) упомянутые в пункте 1 виды деятельности могут быть разрешаемы, лишь поскольку они являются обычными на территориях, в отношении которых сделана оговорка и на которых они были разрешены на 1 января 1961 года;
- б) вывоз упомянутых в пункте 1 наркотических средств для указанных там целей в участвующую в настоящей Конвенции страну или в пределы территории, на которую настоящая Конвенция не распространяется согласно статье 42, не разрешается;
- в) курение опия разрешается только лицам, которые зарегистрированы для этого компетентными властями на 1 января 1964 года;

- d) квазимедицинское употребление опия должно быть прекращено в течение пятнадцати лет, считая со дня вступления в силу настоящей Конвенции, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 41;
- e) жевание листьев кока должно быть прекращено в течение двадцати пяти лет, считая со дня вступления в силу настоящей Конвенции, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 41;
- f) употребление каннабиса для целей иных, чем медицинские и научные, должно прекратиться возможно скорее, но во всяком случае в течение двадцати пяти лет, считая со дня вступления в силу настоящей Конвенции, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 41;
- g) производство и изготовление наркотических средств, упомянутых в пункте 1, а также торговля ими для любого из упомянутых там видов использования должны быть сокращены и, в конечном счете, прекращены вместе с сокращением и прекращением этих видов использования.»

Таким образом, из данной Конвенции следует, что употребление курительного опия, сокращаясь год от года, должно было бы прекратиться начиная с *13 декабря 1979 года*. Что касается жевания листьев кока и употребления каннабиса и смолы каннабиса, то они должны были бы прекратиться не позднее *12 декабря 1989 года*.

Указанные сроки уже истекли, однако Международный комитет по наркотикам признал *«невозможность прекратить практику жевания листьев кока к 1989 году»*. Действительно, согласно оценкам на сегодняшний день существует около восьми миллионов «соцчерос», и было бы весьма непростым делом для латиноамериканских стран найти замену листьям кока, учитывая их большую питательную ценность. Организация Объединенных Наций должна, впрочем, признать, что проблема осложняется еще и тем фактом, что местное население жует листья кока с целью снятия усталости и преодоления чувства голода.

10. Напомним, впрочем, о существовании и других возможностей для Сторон, связанных с внесением *окончательных оговорок* на основе ст.50. Вместе с тем, эти оговорки могут быть сделаны лишь в отношении специфических статей Конвенции, касающихся соответственно *систем исчислений и статистических сведений, мер воздействия по отношению к государству, не выполняющему постановлений Конвенции, а также разрешения споров между Сторонами в Международном Суде*.

В заключение необходимо признать, что *использование процедуры оговорок не способно оказать заметной помощи в деле адаптации Конвенции к антипрогибиционистскому контексту*. Основной причиной, впрочем, является порядок проведения процедуры, т.к. эти оговорки должны быть сформулированы *в момент подписания, ратификации или присоединения Сторон к Единой Конвенции*. А поскольку для семидесяти трех стран, подписавших Конвенцию, и пятидесяти других, присоединившихся к ней, этот момент давно прошел, то время оговорок закончилось.

§ 2. Процедура денонсации согласно статье 46.

11. Денонсация Единой Конвенции является процедурой, открытой для всех сторон, участвующих в соглашении. Порядок ее проведения определяется статьей 46, в которой говорится следующее:

«1. По истечению двух лет со дня вступления в силу настоящей Конвенции (статья 41, 1) любая Страна может как от своего имени, так и от имени территории, за которую она несет международную ответственность..., денонсировать настоящую Конвенцию письменным актом, сданным на хранение Генеральному секретарю.

2. Денонсация, если она получена Генеральным секретарем в любом году 1 июля или раньше, вступает в силу 1 января следующего года, а если она получена после 1 июля, то она вступает в силу, как если бы она была получена 1 июля или раньше в следующем году.

3. Действие настоящей Конвенции прекращается, если в результате денонсаций, представленных согласно пункту 1, условия, необходимые для ее вступления в силу согласно пункту 1 статьи 41, перестают существовать.»

Денонсация Единой Конвенции может быть осуществлена Стороной, участвующей в соглашении, в любое время, начиная с 13 декабря 1966 года. (Если бы такая денонсация произошла, то она стала бы сама по себе настоящим историческим событием, учитывая, что число стран, подписавших Единую Конвенцию, начиная с момента ее вступления в силу постоянно растет. Если в момент подписания Конвенции количество присоединившихся к ней стран равнялось семидесяти трем, то сейчас их число составляет более ста двадцати).

Статья 46 — отсылающая нас к статье 41 той же Конвенции, определяющей условия ее вступления в силу — фиксирует в качестве минимального количества, необходимого для вступления в силу настоящей Конвенции, наличие *сорока государств-участников*. Для прекращения же действия Конвенции необходимо, чтобы более восьмидесяти государств-участников представили бы уведомления о денонсации на имя Генерального секретаря ООН. *Иначе говоря, в настоящий момент это лишь чисто теоретическая возможность.*

Намного более реальным является путь денонсации Конвенции отдельным государством или группой государств. Необходимо подчеркнуть, что процедура денонсаций, в соответствии со статьей 46, является исключительно простой. Для этого участвующая в соглашении Страна должна лишь представить на имя Генерального секретаря ООН письменное заявление о денонсации Конвенции. Единственным ограничением возможности государства денонсировать соглашение является необходимость выждать как минимум шесть месяцев между датой получения уведомления о денонсации Генеральным секретарем и датой ее вступления в силу (ст.46, 2). Такой порядок объясняется тем, что Стороны должны предоставлять исчисления и статистические сведения за каждый календарный год в Комитет по наркотикам, а для их регистрации и проверки необходимо время.

В заключение следует сказать, что процедура денонсации, хотя и является исключительно доступной для всех государств, может принести лишь относительную пользу, учитывая необходимость создания альтернативы ныне действующей системе. В отсутствие такой альтернативы кампания, направленная исключительно на денонсацию Конвенции, рискует оказаться непродуктивной. *В том же, что касается специфического случая Венской Конвенции 1988 года, являющейся, как мы уже заметили, «неисправимой», то в данном случае эту процедуру, напротив, следует применять самым решительным образом.*

§3. Процедура деклассификации согласно статье 3.

12. Процедура деклассификации (изменения статуса) согласно статье 3 Единой Конвенции представляет интерес, т.к. позволяет одновременно действовать как в отношении самого Списка зарегистрированных веществ, так и в отношении соответствующего им режима. Проведение этой процедуры возможно в любой момент по инициативе любой из Сторон. Кроме этого, она обладает еще тем преимуществом, что нацелена на один из самых спорных элементов международного контроля: *классификационные Списки наркотических средств Единой Конвенции.*

Напомним, что Конвенция распределяет более ста зарегистрированных веществ по четырем Спискам, которые выглядят следующим образом.

Список I: Включает естественные опиаты (опий) и полусинтетические (морфин, героин), производные кока (кокаин) и каннабиса (гашиш), а также многочисленные синтетические вещества (пепидин, метадон),

Список II: Включает вещества, используемые в медицинских целях и требующие менее строгого контроля по причине меньшего риска злоупотребления. К нему относятся естественные опиаты (кодеин) и синтетические вещества (пропирам, декстропроксифен).

Список III: Этот список освобожден от контроля. Он содержит серию фармацевтических препаратов, изготовленных на основе веществ, не вызывающих злоупотребления и негативных последствий. К этому списку относятся некоторые порошки и бальзамы со слабым содержанием опия.

Список IV: Включает несколько наркотических средств из Списка I, рассматриваемых в качестве особо опасных по своим свойствам и не обладающих выраженным терапевтическим эффектом. К нему относятся полусинтетические опиаты (героин, дезоморфин), синтетические (кетобемидон, эторфин), а также каннабис и смола каннабиса.

Эти Списки показывают, что основным критерием классификации веществ является критерий *медицинского использования.*

С учетом принципа, согласно которому единственным законным использованием наркотиков является их использование в медицинских и научных целях (ст.4), растения или вещества, не обладающие подобными свойствами, оцениваются как особо опасные. Так произошло в случае с каннабисом и смолой каннабиса, отнесенных к Списку IV вместе с героином единственно на основании их терапевтической бесполезности. Утверждение, впрочем, весьма спорное, т.к. доказано, что каннабис может широко применяться в медицинских целях при системе контролируемой легализации. Кроме того, на произвольность такой классификации указывает все большее число авторов.

13. Одним из самых спорных моментов этой классификации является разница в трактовке наркотических средств и психотропных веществ. Исторически она происходит из-за отказа (с перевесом в один голос, в ходе подготовительных дебатов по Единой Конвенции) включить барбитураты в число веществ, подлежащих международному контролю.

Этот отказ частично лежит в основе принятия *Венской Конвенции 1971 года* о психотропных веществах. Ее принятия потребовали развивающиеся страны, не понимавшие различия в подходе к *естественным психотропным веществам* (опий, листья кока, каннабис) и синтетическим, произведенным фармацевтической промышленностью (амфетамины, барбитураты, галлюциногены...). Так, например, хотя *барбитураты, амфетамины и синтетические галлюциногены* (LSD 25, РНР, МВА, NDMA...) обладают куда более мощным наркотическим эффектом, чем каннабис или листья кока, они до этого момента не являлись объектами международного контроля. Несправедливость такой ситуации вынудила ООН взять под контроль *психотропные вещества*.

Последние сегодня подразделяются Венской Конвенцией (ст. 1) на 4 списка.

Список I: Включает опасные наркотики, создающие серьезный риск для общественного здоровья и обладающие сомнительной или нулевой терапевтической ценностью. К нему относятся синтетические галлюциногены (LSD 25, DMT) и тетрагидроканнабинол (THC).

Список II: Включает стимулирующие амфетамины с ограниченной терапевтической ценностью, а также некоторые анальгетики, такие как фенциклидин, не обладающие никакой терапевтической ценностью.

Список III: Включает барбитураты быстрого и среднего действия, являющиеся объектом серьезного злоупотребления, хотя и обладающие терапевтической ценностью.

Список IV: Включает снотворные, транквилизаторы (бензодиазепины) и анальгетики, вызывающие определенное привыкание, однако широко применяемые в терапии.

Эта классификация повторяет в качестве критерия оценки *терапевтическую ценность вещества*, однако в действительности этот критерий более или менее основывается на принадлежности вещества к одной из четырех фармакологических групп: *галлюциногены* (Список I), *амфетамины* (Список II), *барбитураты* (Список III), *транквилизаторы* (Список IV).

Поразительным фактом является то, что классификация наркотических средств и психотропных веществ никоим образом не соответствует той реальной опасности, которую они представляют с медицинской и социальной точек зрения. Вещества, вызывающие лишь легкую зависимость, отнесены к разряду наркотических средств, в то время как вещества, обладающие сильнейшим наркотическим эффектом, отнесены к разряду психотропных. Не является ли странным тот факт, что, с точки зрения международного права, LSD, мескалин, псилоцибин и другие синтетические галлюциногены (DMT, STP и др.) рассматриваются не в качестве наркотиков, а в качестве психотропных веществ. Более того, *в то время, как сам каннабис включен в разряд наиболее опасных наркотических средств, его активный компонент — тетрагидроканнабинол или ТНС классифицируется лишь как психотропное вещество*. Трудно объяснить, почему растение, содержащее максимум 3% активного компонента, классифицируется жестче, чем чистое вещество со стопроцентным содержанием этого компонента.

Это, а также и другие свидетельства нелогичности обязывают нас попытаться навести порядок в этих Списках, используя для некоторого количества наркотических средств *процедуру деклассификации*. Она позволит перевести эти средства из одного Списка в другой, иначе говоря «вывести» их из Списков, как поместив в разряд психотропных веществ, так и просто изъяв из Списка веществ, подлежащих международному контролю.

14. Возможность для Стороны-участницы потребовать в рамках Единой Конвенции изменения статуса определенного вещества и перенесение его из одного Списка в другой, иначе говоря простого и полного его изъятия из одного из Списков Конвенции, предусматривается ст.3, определяющей условия подобного изменения с точки зрения международного контроля. Ее текст содержит конкретные указания:

«1. В тех случаях, когда какая-нибудь Сторона или Всемирная организация здравоохранения располагает сведениями, которые, по их мнению, могут потребовать изменения какого-либо из Списков, они уведомляют об этом Генерального секретаря и представляют ему эти сведения в подтверждение указанного уведомления.

2. Генеральный секретарь препровождает это уведомление и любые сведения, которые он считает относящимися к делу, Сторонам, Комиссии и, если уведомление делается какой-нибудь Стороной, Всемирной организации здравоохранения.

3. В тех случаях, когда уведомление касается какого-либо вещества, еще не включенного в Список I или Список II,

i) Стороны рассматривают в свете имеющихся сведений возможность временного применения к данному веществу всех мер контроля, применяемых к наркотическим средствам, включенным в Список I;

ii) впредь до вынесения ею постановления, как это предусмотрено в подпункте iii) настоящего пункта, Комиссия может постановить, чтобы Стороны временно применяли к этому веществу все меры контроля, применяемые к наркотическим средствам, включенным в Список I. Стороны временно применяют такие меры к веществу, о котором идет речь;

iii) если Всемирная организация здравоохранения находит, что данное вещество способно быть предметом аналогичного злоупотребления и вызывать аналогичные вредные последствия, что и наркотические средства, включенные в Список I или в Список II, или что оно может быть превращено в наркотическое средство, она сообщает об этом своем заключении Комиссии, которая может, в соответствии с рекомендацией Всемирной организации здравоохранения, постановить, что данное вещество должно быть добавлено к Списку I или к Списку II.

4. Если Всемирная организация здравоохранения находит, что какой-нибудь препарат вследствие содержащихся в нем веществ не способен быть предметом злоупотребления и не может вызывать вредных последствий (пункт 3) и что содержащееся в нем наркотическое средство не может быть легко извлечено, Комиссия может, в соответствии с рекомендацией Всемирной организации здравоохранения, добавить этот препарат к Списку III.

5. Если Всемирная организация здравоохранения находит, что какое-нибудь наркотическое средство, включенное в Список I, особенно способно быть предметом злоупотребления вызывать вредные последствия (пункт 3) и что такая способность не компенсируется существенными терапевтическими преимуществами, которыми не обладают другие вещества, помимо наркотических средств, включенных в Список IV, Комиссия может, в соответствии с рекомендацией Всемирной организации здравоохранения, внести это наркотическое средство в Список IV.

6. В тех случаях, когда уведомление касается какого-нибудь наркотического средства, уже включенного в Список I или в Список II, или препарата, включенного в Список III, Комиссия помимо меры, предусмотренной в пункте 5, может в соответствии с рекомендацией Всемирной организации здравоохранения, изменить любой из списков:

a) перенеся какое-нибудь наркотическое средство из Списка I в Список II или из Списка II в Список I; или

b) исключив какое-нибудь наркотическое средство или препарат, в зависимости от случая, из какого-либо Списка.»

Возможность перенесения вещества из одного Списка в другой или же его полное изъятие из всех списков не вызывает ни малейшего сомнения. Ранее ей уже воспользовались Соединенные Штаты в случае с декстропроксифеном. Это производное от метадона вещество, включенное Единой Конвенцией в Список II, было деклассифицировано на следующий год после принятия Конвенции, что, однако, не помешало включить его впоследствии в тот же Список II Конвенции 1988 года. Этот пример, правда, является не особо показательным, т.к. сделано это было скорее по соображениям экономического, а не медицинского характера.

Тем не менее, мы можем использовать эту же техническую процедуру применительно к каннабису и смоле каннабиса, которые, для начала, можно вывести из Списка IV наиболее опасных наркотических средств, к которым, совершенно очевидно, они не относятся, и даже из Списка I, поскольку наличие в нем этих веществ также является весьма спорным. Далее можно было бы включить их в Список IV Венской Конвенции наряду с легкими снотворными и транквилизаторами.

Статья 2 Венской Конвенции реально предусматривает такую возможность, однако согласно Официальному' Комментарию: «каннабис, смола каннабиса и листья кока могут быть исключены Комиссией из списков Единой Конвенции и, следовательно, выведены из-под контроля, установленного этой Конвенцией в отношении наркотических средств, за исключением тех мер контроля, которые предусматриваются ст.26 и ст.28 1. Из этого туманного объяснения можно сделать вывод о том, что деклассификация каннабиса в Единой Конвенции И возможное изменение его статуса в Венской Конвенции ничего не изменят в том, что касается постановлений и запретов относительно его культивирования (ст.26 и 28 Единой Конвенции).

То же самое, впрочем, можно сказать и о режиме в отношении листьев кока и опия. Комиссия не может снять запрет на их культивирование путем простой деклассификации. Отмена такого контроля может произойти лишь путем внесения *поправки к договору*. Подобное ограничение в том, что касается культивирования растений, включенных в сферу международного контроля, несколько уменьшает наш интерес к процедуре деклассификации в отношении естественных наркотиков, выращиваемых, в основном, в развивающихся странах. Однако же, мы не должны и полностью отказываться от этой процедуры.

15. В любом случае, использование *процедуры деклассификации* без каких-либо ограничений возможно в отношении других наркотических средств. Можно, например, использовать ее для перевода части наименее токсичных наркотиков в разряд психотропных веществ без малейшего изменения Единой Конвенции. Для этого достаточно воспользоваться *процедурой*, предусмотренной ст.3.

Выше было сказано, что эта процедура может быть инициирована одной из Сторон или Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), которая должна направить на имя Генерального Секретаря *уведомление* вместе с соответствующими сведениями в подтверждение указанного уведомления. Генеральный Секретарь должен ознакомить Стороны и Комиссию с этим уведомлением. Если уведомление сделано одной из Сторон-участниц, он передает его в ВОЗ.

Эта международная Организация играет центральную роль в вопросе деклассификации, поскольку является техническим экспер-

том ООН по вопросам здравоохранения. Согласно ст.3.6 она должна представлять свои рекомендации в отношении того Списка, изменение которого выносится на обсуждение, обосновывая необходимость деклассификации соответствующими аргументами. Практически, ВОЗ обладает очень широкими полномочиями в вопросе рекомендации необходимых, с ее точки зрения, изменений.

Вместе с тем, ее рекомендация ни к чему не обязывает ни Стороны-участницы, ни предусмотренные Конвенцией международные органы. Это лишь один из *этапов процедуры классификации и деклассификации*. Реальными полномочиями по осуществлению этой процедуры обладает *Комиссия по наркотическим средствам Экономического и Социального Совета* — единственная, имеющая согласно ст.3 право на изменение Списков.

Более того, даже если предположить, что Комиссия после рекомендации ВОЗ решит по предложению одной из Сторон-участниц изменить статус наркотического средства, ранее занесенного в соответствующий список, такая деклассификация станет возможной лишь в случае, если ничто не сможет приостановить ход этой процедуры. Однако ст.3 Конвенции предусматривает некоторые *возможности блокировать* дальнейшее ее осуществление:

«7. Любое постановление Комиссии, принятое на основании настоящей статьи, сообщается Генеральным секретарем всем государствам-членам Организации Объединенных Наций, другим государствам-участникам Конвенции, не являющимся членами Организации Объединенных Наций, Всемирной организации здравоохранения и Комитету. Такое постановление вступает в силу в отношении каждой из Сторон в день получения ею такого сообщения, и Стороны принимают после этого такие меры, какие могут потребоваться на основании настоящей Конвенции.

8. а) Постановления Комиссии, изменяющие любой из Списков, подлежат пересмотру Советом по просьбе, поданной любой Стороной в течение девяноста дней, считая со дня получения уведомления об этом постановлении. Просьба о пересмотре посылается Генеральному секретарю вместе со всей относящейся к делу информацией, на которой основана просьба о пересмотре;

б) Генеральный секретарь препровождает копии просьбы о пересмотре и относящуюся к делу информацию Комиссии, Всемирной организации здравоохранения и всем Сторонам, предлагая им представить свои замечания в течение девяноста дней. Все полученные замечания представляются Совету для рассмотрения;

с) Совет может утвердить, изменить или отменить постановления Комиссии, и решение Совета является окончательным. Уведомления о решении Совета посылаются всем государствам-членам Организации, Объединенных Наций, государствам-участникам Конвенции, не являющимся членами Организации Объединенных Наций, Комиссии, Всемирной организации здравоохранения и Комитету;

д) Первоначальное постановление Комиссии остается в силе до окончания процедуры пересмотра.

9. Постановления Комиссии, принятые в соответствии с настоящей статьей, не подлежат процедуре пересмотра, предусмотренной в статье 7.»

Из этого положения следует, что в случае, если *одно из государств* делает соответствующий запрос, сам *Экономический*

и Социальный Совет должен подтвердить или отвергнуть решение Комиссии. Напомним, что Совет состоит из пятидесяти четырех представителей государств, подписавших Конвенцию, и что решения по поставленным вопросам принимаются простым большинством голосов.

В заключение можно задать себе вопрос, представляет ли процедура деклассификации большой интерес с точки зрения антипрогибиционизма. Конечно же, теоретически она позволяет смягчить жесткий контроль и даже полностью его отменить, заменив его системой контролируемой легализации. В равной степени, она позволяет перевести все или некоторые наркотики в разряд психотропных веществ, по отношению к которым контроль более мягок.

Тем не менее, эта процедура практически неосуществима без изменения Конвенции в отношении естественных наркотиков (опий, листья кока, каннабис), а в отношении других наркотиков зависит от решений органов контроля (Комиссия, Совет), принимаемых большинством голосов государств-участников. В заключение следует сказать, что *процедура перенесения наркотического средства из одного Списка в другой является не менее сложной, чем Процедура внесения поправок к Единой Конвенции*, что, естественно, уменьшает наш интерес к первой по сравнению со второй в вопросе изменения Конвенции.

§ 4. Процедура внесения поправок согласно статье 47.

16. Статья 47 Единой Конвенции предусматривает возможность изменения Конвенции Сторонами-участницами путем внесения поправок. В тексте это сформулировано следующим образом:

«1. Любая Сторона может предложить поправку к настоящей Конвенции. Текст любой такой поправки и основания для этого сообщаются Генеральному секретарю, который сообщает их Сторонам и Совету. Совет может постановить либо:

а) что должна быть созвана конференция в соответствии с пунктом 4 статьи 62 Устава Организации Объединенных Наций для рассмотрения предложенной поправки; либо
б) что следует опросить Стороны, принимают ли они предложенную поправку, а также просить их представить Совету любые замечания по поводу этого предложения.

2. Если предложенная поправка, разосланная на основании пункта 1 b настоящей статьи, не была отклонена какой-либо Стороной в течение восемнадцати месяцев после ее рассылки, она после этого вступает в силу. Если же предложенная поправка отклоняется какой-либо Стороной. Совет может решить в свете замечаний, полученных от Сторон, должна ли быть созвана конференция для рассмотрения этой поправки.»

Процедура внесения поправок к Единой Конвенции *зависит, следовательно, от Экономического и Социального Совета ООН*. Совет играет в этой процедуре центральную роль. Он обладает почти неограниченной властью в отношении представляемых на его

рассмотрение поправок. В тексте говорится, что «*Совет может решить*» либо созвать Конференцию по пересмотру Единой Конвенции, либо непосредственно, представить поправку на представление участвующих в соглашении Сторон. Наконец, он может также, в соответствии с предоставленными ему Уставом ООН полномочиями, принять в отношении предложенной согласно ст.30 поправки и иное решение, не предусмотренное этой статьей: в частности, просто никак не высказываться по поводу предложенной поправки.

По этому поведу необходимо заметить, что *пересмотр Конвенции путем индивидуального одобрения поправок* Сторонами-участницами делает процедуру внесения поправок очень ненадежной. Действительно, начиная с момента, когда Генеральный секретарь посылает различным государствам-участникам предложенную поправку, последние имеют в своем распоряжении 18 месяцев для того, чтобы ее одобрить или не одобрить. Достаточно в течение этого периода хотя бы одному из государств отказаться от предложенной поправки, чтобы путь, предусмотренный ст.47-1.b, оказался закрыт. По этой причине оптимальным решением является путь созыва Конференции Сторон-участниц.

Исходя из этих соображений, мы можем лишь сделать вывод о том, что необходимо использовать процедуру внесения поправок с тем, чтобы, в любом случае, начать процесс, предусмотренный статьей 47.

III. СОДЕРЖАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЕДИНОЙ КОНВЕНЦИИ

17. В соответствии с принципом *экономии средств* (см. п.3) содержание предложенных поправок должно сводиться к минимуму с тем, чтобы изменить направленность Единой Конвенции, не «опрокидывая» ее в целом. Тем не менее, и речи нет о том, чтобы сохранить логику «войны с наркотиками», которой проникнуты международные тексты по наркотикам, в особенности, Преамбулы к Конвенциям Организации Объединенных Наций.

Вот почему необходимо вначале предложить важные *поправки к Преамбуле Единой Конвенции* с тем, чтобы определить *новые направления международного контроля (А)*, а затем уже вносить *предложения по изменению или дополнению самих статей Конвенции (В)*.

А. Поправки к Преамбуле

18. Как и большинству многосторонних договоров, международным текстам о наркотиках предшествует Преамбула с декларацией намерений. Как и в Единой Конвенции, так и в Венских Конвенциях 1971 и 1988 гг. Сторонами-участницами

был принят текст, намечающий цели Конвенции. Прежде чем предлагать его новую редакцию, приведем текст ныне действующей Преамбулы.

В Преамбуле к Единой Конвенции говорится следующее:

«Стороны,

будучи озабочены здоровьем и благополучием человечества, признавая, что применение наркотических средств в медицине продолжает быть необходимым для облегчения боли и страданий и что должны быть приняты надлежащие меры для удовлетворения потребностей в наркотических: средствах для таких целей.

признавая, что наркомания является серьезным злом для отдельных лиц и чревата социальной и экономической опасностью для человечества,

сознавая свою обязанность предотвратить это зло и бороться с ним,

принимая во внимание, что эффективные меры требуют международного сотрудничества, руководимого теми же принципами и направлениями на достижение общих целей, признавая компетенцию Организации Объединенных Наций в области контроля над наркотиками и желая, чтобы заинтересованные международные органы находились в рамках этой Организации,

желая заключить общеприемлемую международную конвенцию, заменяющую существующие договоры о наркотических средствах, ограничивающую использование наркотических средств медицинскими и научными целями и предусматривающую постоянное международное сотрудничество и контроль для осуществления этих принципов и целей, настоящим согласились о нижеследующем:»

За внешне нейтральными фразами в тексте можно увидеть три основных направления. Прежде всего он возводит в принцип то, что *использование наркотических средств должно быть ограничено лишь медицинскими и научными целями*, далее он намечает в качестве своей задачи *борьбу с таким злом, как наркомания*, и, наконец, утверждает *необходимость существования международного контроля*, осуществляемого под руководством Организации Объединенных Наций.

Из этих трех принципов лишь первый полностью противоречит антипрогибиционистскому подходу. В самом деле, выше мы рассмотрели историческую и юридическую эволюцию международных текстов, последовательно возводивших в принцип использование наркотических средств лишь в медицинских и научных целях, что является отправной точкой прогибиционистского режима в отношении наркотиков (см. выше п.4). Таким образом, для того, чтобы вернуться к отправному пункту международного контроля, в тексте новой Преамбулы должно быть четко зафиксировано разрешение и на иные виды использования наркотиков, в особенности, использование *с целью получения удовольствия*. Это, впрочем, никак не противоречит задаче *борьбы с наркоманией*. Действительно, если определить наркоманию как состояние, вызванное злоупотреблением соответствующими наркотическими средствами, а не их разовым употреблением, то существующий текст может стать вполне совместимым с системой контролируемой легализации. Последняя имеет своей задачей

борьбу со злоупотреблениями, вредными для общества или окружающими, с помощью медицинского и социального противовеса и, в первую очередь, с помощью международного контроля.

Нам остается, следовательно, добиться смягчения международного контроля и избежать обязательного единообразия в подходе к этому вопросу для всех Сторон-участниц. Каждое государство, в соответствии со своими природными условиями, историей, традициями, должно иметь возможность *корректировать свою политику борьбы с наркоманией, устанавливая свои специфические меры контроля*, не являющиеся обязательными для всех Сторон. Совершенно очевидно, что борьба с алкоголизмом во Франции отличается от подобной же борьбы в Саудовской Аравии. По этой причине необходимо, чтобы Преамбула предоставляла государствам возможность учитывать их культурные и социальные особенности.

19. Вместе с тем, в Преамбуле к Единой Конвенции недостаточно четко выражены современные направления международного контроля. Действительно, если Преамбула к Конвенции о психотропных веществах практически слово в слово совпадает с Преамбулой к Единой Конвенции, то этого нельзя сказать о Преамбуле к Венской Конвенции 1988 года. Целью последней является *усиление борьбы с незаконным оборотом*, о чем прямо говорится в ее Преамбуле, текст которой выглядит следующим образом:

«Стороны настоящей Конвенции,

будучи глубоко озабочены масштабами и тенденцией роста незаконного производства, спроса и оборота наркотических средств и психотропных веществ, которые представляют собой серьезную угрозу для здоровья и благополучия людей и оказывают отрицательное воздействие на экономические, культурные и политические основы общества,

будучи также глубоко озабочены все большим распространением незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, среди различных социальных групп и особенно тем, что дети, во многих районах мира используются в качестве потребителей незаконных наркотических средств и психотропных веществ и эксплуатируются при их незаконном производстве и обороте, что представляет собой огромную опасность, признавая взаимосвязь между незаконным оборотом и другими связанными с ним формами организованной преступности, которые подрывают законную экономику и создают угрозу для стабильности, безопасности и суверенитета государств,

признавая также, что незаконный оборот представляет собой международную преступную деятельность, пресечение которой требует неотложного и самого первоочередного внимания,

сознавая, что незаконный оборот обеспечивает большие прибыли а финансовые средства, что позволяет транснациональным преступным организациям проникать в правительственные механизмы, законную торговую и финансовую деятельность и общество на всех его уровнях, разлагать и подрывать их,

будучи преисполнены решимости лишить лиц, занимающихся незаконным оборотом, доходов, получаемых от преступной деятельности и тем самым устранить главный мотив, побуждающий их к этому, стремясь устранить коренные причины проблемы злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами, включая незаконный спрос на такие средства и вещества и огромные прибыли, получаемые от незаконного оборота, ...»

Текст этой первой части Преамбулы указывает на *опасность незаконного оборота наркотических средств* и ставит в качестве своей, цели его пресечение. Далее можно увидеть, что во второй части утверждается *необходимость усиления международного правового сотрудничества* для достижения этой цели. Однако составители Преамбулы, следуя своей прогибиционистской логике, не увидели скрытого противоречия между ее двумя частями: другими словами, между целью и средствами.

Итак, целью является пресечение незаконного оборота. Однако предусмотренные средства — запреты и репрессивные меры, направленные на борьбу с употреблением наркотических средств — ведут, напротив, к *росту незаконного оборота*. Мы уже достаточно ясно продемонстрировали этот феномен для того, чтобы вновь к нему не возвращаться. Более того, составители Преамбулы не поняли, что заявляя об опасности торговли наркотическими средствами, они, тем самым, заявляют о порочности самого прогибиционизма.

Таким образом, они заявляют, что незаконный оборот *«обеспечивает большие прибыли и финансовые средства»*, что позволяет транснациональным преступным организациям *«проникать в правительственные механизмы, законную торговую и финансовую деятельность и общество на всех его уровнях, разлагать и подрывать их... и, в особенности, использовать детей во многих районах мира в качестве потребителей незаконных, наркотических средств и психотропных веществ и эксплуатировать при их незаконном производстве и обороте»*. В настоящее время концентрация огромных состояний в руках мафии, отмывание денег, полученных от наркобизнеса, коррумпирование полиции, финансирование терроризма и рост преступности, в особенности среди молодежи являются основными негативными последствиями прогибиционизма, постоянно критикуемыми противниками запретов и репрессий.

Так, например, именно по той причине, что репрессии в отношении торговцев наркотиками предусматривают очень суровые наказания, последние используют для этой цели малолетних детей, по отношению к которым уголовные кодексы определяют менее жесткие репрессивные меры. Если сочетание первой части Преамбулы к Конвенции 1988 г. с доктриной антипрогибиционизма не представляет больших проблем; то ее вторая часть, направленная, напротив, на расширение сферы прогибиционизма и усиление санкций, является полностью противо-

положной провозглашенной нами философии. Во второй части Преамбулы говорится следующее:

«Считая, что необходимы меры контроля за некоторыми веществами, в том числе прекурсорами, химическими обществами и растворителями, используемыми при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ, легкоступность которых привела к росту подпольного производства наркотических средств и психотропных веществ,

стремясь улучшить международное сотрудничество с целью пресечения незаконного оборота на море,

признавая, что искоренение незаконного оборота является коллективной обязанностью всех государств и что с этой целью необходима координация усилий в рамках международного сотрудничества,

признавая компетенцию Организации Объединенных Наций в области контроля над наркотическими средствами и психотропными веществами и желая, чтобы международные органы, занимающиеся таким контролем, находились в рамках этой Организации,

вновь подтверждая руководящие принципы существующих договоров, касающихся наркотических средств и психотропных веществ, и предусматриваемую ими систему контроля, признавая необходимость укрепления, и дополнения мер, предусмотренных Единой Конвенцией о наркотических средствах 1961 года, этой Конвенцией с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 года, и Конвенцией о психотропных веществах 1971 года, с целью уменьшения размаха и масштабов незаконного оборота и его серьезных последствий,

признавая также важное значение укрепления и усиления эффективных правовых средств международного сотрудничества в правовой области для пресечения международной преступной деятельности, каковой является незаконный оборот, желая заключить всеобъемлющую, эффективную и действенную международную конвенцию, специально направленную на борьбу с незаконным оборотом, в которой упитываются различные аспекты проблемы в целом, и в частности те из них, которые не предусмотрены существующими договорами, касающимися наркотических средств и психотропных веществ, настоящим согласились о нижеследующем:»

В этой части Преамбулы содержится намерение сократить оборот наркотических средств и смягчить его последствия с помощью усиления и расширения юридических мер в сфере международного правового сотрудничества. Сфера применения прогибиционистского режима расширяется до такой степени, что под него подпадают даже те химические вещества, которые теоретически могут послужить для изготовления наркотических средств. Эта логика прогибиционизма коснулась даже таких распространенных веществ, как *ацетон* и ангидрид уксусной кислоты(!).

Далее составители Преамбулы вновь заявляют о своей вере в международное сотрудничество и в необходимость усиления репрессий, а, как было уже продемонстрировано, последнее лишь способствует деятельности наиболее опасных наркоторговцев и создает почву для расширения самого оборота. Вот почему мы предлагаем, напротив, *смягчить репрессии, поставить их в зависимость от опасности распространяемого наркотика*

и применять их в отношении *антиобщественной деятельности*, способной нанести серьезный вред обществу или окружающим.

Необходимо также утвердить в новой Преамбуле основное право *каждого человека употреблять психоактивные средства для получения тех или иных ощущений*. Это право полностью соответствует статье 4 Декларации прав человека и гражданина 1789 года, согласно которой *«свобода заключается в праве делать все то, что не вредит другим»*. Это право, впрочем, уже давно признано нашим обществом в том, что касается табака, алкоголя и транквилизаторов. Так что его распространение на некоторые виды наркотических средств и психотропных веществ является нормальным. При условии, однако, не забывать о границах, указанных в статьях 4 и 5 Декларации — не вредить другим или обществу. Это именно то ограничение, которое будущая Преамбула должна сделать одним из основных принципов организации будущего международного контроля.

20. В завершение мы предлагаем сформулировать текст будущей Преамбулы, к Единой Конвенции следующим образом:

«Стороны,

озабоченные физическим и психическим здоровьем человечества,

обеспокоенные проблемами общественного здоровья и общества в целом, являющимися результатом злоупотреблений некоторыми наркотическими средствами,

признавая, что использование этих средств в медицинских и научных целях является необходимым для облегчения страданий и для лечения некоторых заболеваний и не должно стать объектом каких бы то ни было необоснованных ограничений,

признавая, что их использование в целях получения удовольствия или в иных целях является одним из компонентом том прав человека и свободы каждого делать все то, что не вредит окружающим или обществу,

сознавая свою обязанность предотвратить злоупотребления наркотическими средствами и незаконный оборот как их следствие и бороться с ними,

серьезно обеспокоенные размахом и расширением производства, спроса и незаконной торговли наркотическими средствами, разрушающими экономический, культурный и правовой фундамент общества,

серьезно обеспокоенные также ростом разрушительных последствий от незаконного оборота наркотических средств в различных слоях общества, особенно среди молодежи, используемой наркоторговцами в своих целях,

признавая связь между незаконной торговлей и иной связанной с ней организованной преступной деятельностью, подрывающей основы законной экономики и угрожающей стабильности, безопасности и суверенитету государств, сознавая, что незаконный оборот обеспечивает большие прибыли и финансовые средства, что позволяет транснациональным преступным организациям проникать в правительственные механизмы, законную торговую и финансовую деятельность и общество на всех его уровнях, разлагать и подрывать его,

принимая во внимание, что эффективные меры против злоупотреблений наркотическими средствами требуют принятия координированных и универсальных мер,

признавая компетенцию Организации Объединенных Наций в области контроля над наркотическими средствами и желая, чтобы заинтересованные международные органы осуществляли бы свою деятельность в рамках этой Организации, желая, заключить общеприемлемую международную конвенцию, заменяющую существующие договоры о наркотических средствах, ограничивающую использование наркотических средств медицинскими, научными или иными целями и обеспечивающую защиту общества или окружающих от злоупотреблений, связанных с наркотическими средствами, желая, наконец, заключить всеобщую оперативную международную конвенцию, направленную на эффективную борьбу с незаконным оборотом наркотических средств путем установления системы контролируемой легализации, учитывающей степень опасности регламентированных наркотических средств с медицинской и социальной точек зрения, а также различные культурные, экономические и юридические аспекты этой проблемы, настоящим согласились о нижеследующем:».

Можно заметить, что настоящая редакция перефразирует, адаптируя для своих целей, многие положения Преамбулы трех международных Конвенций.

В том, что касается Единой Конвенции, то слова первого постановления, касающегося «физического и *морального* здоровья человечества» (официальный русский перевод — «здоровье и благополучие человечества — прим. перев.) были заменены словами «физическое и *психическое* здоровье человечества». Подобная замена была вызвана не очень четким характером понятия «моральное здоровье», в то время как злоупотребление психоактивными средствами прямо угрожает *психическому здоровью*. Это, впрочем, не означает, что антипрогибиционистская доктрина вовсе не интересуется моральным аспектом. Она лишь заменяет мораль *воздержания* на мораль *умеренности*. Она борется со злоупотреблением, а не с употреблением.

В том же, что касается Венской Конвенции 1988 года, то некоторые положения второй части Преамбулы просто воспроизводятся в чистом виде. Действительно, необходима ясность в том, что по своей направленности будущая Единая Конвенция должна сохранить в качестве цели *борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и его вредными последствиями*. Она лишь стремится получить более эффективные средства в сравнении с ныне действующей Конвенцией для достижения этой цели, поскольку, например, система *контролируемой легализации* (как это наглядно продемонстрировала история с запрещением алкогольных напитков) в значительной степени способствует уничтожению организованной преступности.

В заключение следует отметить, что новая редакция совмещает одновременно принцип *экономии средств* (руководствуясь в значительной мере предыдущими текстами), принцип *возвращения к истокам* (уточняя, что отныне наркотические средства могут быть использованы в целях «*получения удовольствия, а также в иных целях*») и принцип *адаптирования* (сохраняя общую

структуру Конвенции с ее двумя направлениями: *превентивным направлением*, связанным с организацией законного контролируемого распределения, и *репрессивным направлением*, связанным с борьбой с незаконным оборотом и контрабандой).

В. Поправки к статьям Конвенции

21. После определения принципиального характера поправок к Конвенции можно уже, без больших проблем, сформулировать их в окончательном виде:

Статья 1 Определения

В этой статье содержатся определения основных терминов, необходимые для правильного понимания Конвенции, идет ли речь об органах контроля («Комитет», «Комиссия», «Совет», «Генеральная Ассамблея», «Генеральный секретарь») или о контролируемых наркотических средствах («растение каннабис», «смола каннабиса», «кокаиновый куст», «лист кока», «медицинский опий», «опий», «опийный мак», «маковая солома»). В ней также даются определения операциям, связанным с наркотиками («производство», «ввоз», «вывоз», «специальные складские запасы», «культивирование», «потребление»), а также определяется термин «территория».

Эти определения, не вызывающие никаких возражений, не требуют каких-либо особых комментариев. Напротив, следуя обратить внимание на само понятие *«наркотическое средство»*, т.к. определение, предложенное Единой Конвенцией, является совершенно недостаточным. В самом деле, согласно статье 1.1.j: *«наркотическое средство означает любое из веществ, включенных в списки I или II, — естественных или синтетических»*. Поскольку, как мы уже видели, Конвенция не определяет критерия принадлежности к Списку, это означает, что понятие «наркотическое средство» не определяется вовсе!

Необходимо, следовательно (наконец-то), дать определение понятию «наркотическое средство».

Наркотическим средством является, таким образом, вещество, способное вызвать наркоманию. Это традиционное определение требует, тем не менее, определения вначале самого понятия «наркомания». Оно, впрочем, было уже официально определено в 1957 году Экспертным комитетом Всемирной организации здравоохранения, которая охарактеризовала его следующим образом: *«наркоманией или наркозависимостью (assuetudo) является состояние хронической или периодической интоксикации, вызванное неоднократным потреблением естественного или синтетического наркотика. Она включает в себя:*

1. непреодолимое желание или потребность в продолжении потребления наркотика и стремление достать его любым способом;

2. тенденцию к увеличению дозировки;
3. психическую и, часто, физическую зависимость от действия наркотика;
4. вредные последствия для личности и общества».

Преимуществом этого определения является его относительная ясность, даже учитывая его некоторую двусмысленность. Действительно, оно ставит в один ряд *психическую* и *физическую* зависимость, в то время как эти два вида зависимости очень отличаются друг от друга. Первая является лишь простой *привычкой*, оставляющей человеку возможность безболезненно прекратить прием наркотика. Следуя юридической логике, международный контроль должен иметь объектом лишь *наркоманию в строгом смысле этого слова, т.е. в смысле физической зависимости*. Однако это привело бы к выводу из-под контроля не только легких наркотиков (каннабиса, гашиша, кока, хата (khat), но и таких сильнодействующих, хотя и слаботоксикоманогенных, веществ как LSD, PHP, MDA и др. Вот повод для размышления. Более глубокий анализ данного феномена не входит в рамки настоящего исследования, однако эти соображения могли бы положить начало процессу деклассификации некоторых веществ, входящих в настоящий момент в категорию наркотических средств.

В заключение можно сделать вывод о возможности сохранения первой статьи в ее настоящем виде, за исключением параграфа 1.1.j, который следует сформировать следующим образом:

«j. термин «наркотическое средство» означает любое из веществ, способных вызвать наркоманию, — естественных или синтетических; термин «наркомания» означает состояние, определенное Экспертным комитетом Всемирной организации здравоохранения в 1957 году».

Статья 2 **Вещества, подлежащие контролю**

22. Эта статья определяет различные режимы в отношении классифицируемых веществ. Напомним, что эти режимы устанавливают те или иные меры превентивного контроля по отношению к международной торговле (ввоз, вывоз), производство (культивирование, изготовление) и внутрисударственной торговле (распределение, хранение) веществ, классифицируемых как наркотические средства. По сути, речь идет о превентивном режиме, предписывающим Сторонам-участницам предоставлять определенную информацию органам контроля (отдельные исключения, статистические сведения), устанавливать государственную монополию на культивирование и изготовление (в том числе, путем предоставления лицензии), применять меры надзора над ввозом и вывозом с помощью системы выдачи сертификатов и с использованием специальных оперативных структур, контролировать распределение, которое должно осуществляться либо по лицензии, либо государственными предприятиями, а также требовать, чтобы наркотические средства

выдавались лишь по медицинским рецептам с использованием специальных книжек с корешками.

Лишь это последнее ограничение полностью противоречит логике антипрогибиционизма. Оно, впрочем, полностью соответствует задаче Единой Конвенции ограничить законную торговлю наркотическими средствами лишь медицинскими и научными целями. Однако это ограничение утратит силу, как только в вопросе о контроле над международной торговлей наркотическими средствами к положению об использовании их в «медицинских и научных целях» добавится поправка «а также с целью получения удовольствия и в иных целях». Учитывая новую направленность будущей Преамбулы, постановление об использовании наркотиков в целях получения удовольствия (рекреационных целях) сможет сочетаться с постановлениями Единой Конвенции. Формы учрежденного ей контроля, будь то монополия на культивирование и производство или надзор над торговлей и распределением, вполне совместимы с системой контролируемой легализации.

При всем нашем уважении к сторонникам идеи о необходимости использования в данной области *частной индустрии* и даже к сторонникам *свободного рынка*, в настоящем исследовании мы считаем возможным согласиться с той гипотезой, что государство, в принципе, могло бы найти оптимальные решения для борьбы с «общественными пороками».

Поэтому мы предлагаем сохранить без изменения статью 2.

Статья 3

Изменения в сфере применения контроля

23. Мы уже комментировали этот текст при рассмотрении процедуры деклассификации (см. выше п.12 и др.). Так что, мы не будем возвращаться к *процедурным* вопросам, за исключением возможных добавлений в том, что касается *перевода веществ из Списка наркотических веществ в Список психотропных веществ* (см. выше п.13). Мы предлагаем внести соответствующее изменение путем включения следующего подпараграфа:

«При перенесении наркотического средства из Списка Единой Конвенции в Список Конвенции 1971 года о психотропных веществах; ...»

Независимо от этого изменения, для устранения несоответствий в классификациях наркотических и психотропных средств необходимо понять, должны ли Списки I, II, III, IV быть сохранены в том виде, в каком их определяет статья 3, или же необходима их полная переделка. Для того, чтобы это понять, мы должны напомнить *критерии классификации по каждому из Списков* и сопоставить их с логикой контролируемой легализации.

Напомним, что *критерий включения вещества в Список I* никак не уточняется самой Конвенцией, которая лишь ссылается на веще-

ства, «способные быть предметом аналогичных злоупотреблений и вызывать аналогичные вредные последствия, что и наркотические средства, включенные в Список I или в Список II». Кроме этого классификационного порочного круга существуют и другие критерии классификации, используемые Техническим комитетом Комиссии и включающие в себя следующие характеристики:

а) вещества, обладающие способностью вызывать наркоманию, выраженную сильнее, чем у кодеина, и более или менее сравнимую с морфином.

б) вещества, из которых возможно изготовить средства, обладающие способностью вызывать наркоманию, риск от злоупотребления которыми превышает подобный же риск, связанный со злоупотреблением кокаином.

с) вещества, способные вызывать злоупотребления, сравнимые со злоупотреблениями каннабисом, смолы каннабиса и кокаином.

д) вещества, из которых возможно изготовить средства, обладающие способностью вызывать злоупотребления, сравнимые со злоупотреблением каннабисом, смолы каннабиса и кокаином.

Принадлежность к *Списку I* зависит, таким образом, от различных *сравнительных критериев*, в основе которых лежат три вещества — *морфин, кокаин и каннабис*. Влияние на эти характеристики англо-саксонского права, предпочитающего простое перечисление концептуальному определению, здесь совершенно очевидно. К сожалению, в данном случае это не прибавляет ни ясности, ни связности. То риск злоупотребления должен быть «более или менее сравнимым» с риском злоупотребления определенным веществом (морфином), то просто «сравнимым» (в случае с каннабисом и кокаином). То постановление касается самого вещества, то его прекурсора. Наконец согласно комментарии ООН «*аналогом называется средство с различной степенью наличия в нем одного и того же вещества, и в компетенцию Единой Конвенции не входит определение процентного содержания в нем этого вещества. Подобной компетенцией обладает ВОЗ, принимающая все решения, связанные с классификацией аналогов...*». Это положение предоставляет ей очень широкие полномочия в вопросе классификации. Единственным ограничением является то, что классифицируемое вещество должно быть *более токсикоманогенным, чем кокаин*. Таким образом, в Список I Единой Конвенции были включены 78 веществ. Сегодня их число приближается 100.

Что касается *Списка II*, то критерии, определенные Техническим комитетом, являются следующими:

а) вещества, обладающие способностями вызывать наркоманию, но не более выраженными, чем у кодеина, и менее выраженными, чем у декстропропаксифена.

б) вещества, из которых возможно изготовить средства, обладающие способностью вызывать наркоманию, риск от злоупотребления которыми сравним с риском от злоупотребления кокаином.

В основе этих критериев лежат те же принципы, что и в случае со *Списком I*, с тем одним отличием, что в данном

случае сравнительная база состоит из двух веществ: *кодеина* и *декстропропоксифена*. Кодеин является производным опиума и служит «пограничным» веществом между двумя Списками. Декстропропоксифен является сильным транквилизатором и замыкает нижнюю границу наркотических средств. Можно вспомнить, что Соединенным Штатам удалось добиться его деклассификации на период между 1963 и 1980 гг., и, таким образом, в течение 20 лет у Списка II попросту отсутствовал критерий классификации и законное основание с точки зрения международного права. Впрочем, количество веществ, входящих в Список II, изменилось весьма незначительно, т.к. на момент голосования Единой Конвенции их насчитывалось 7, а в настоящий момент их число составляет 9.

В *список III* включены препараты, не включенные в сферу международного контроля из-за невозможности, в принципе, «стать причиной злоупотреблений и вызвать негативные последствия». Технический комитет уточнил, что речь идет о препаратах, отвечающих одновременно двум условиям: использование в законных медицинских целях и наличие наркотического средства в количестве, недостаточном для его извлечения. Однако эти уточнения являются явно недостаточными, и в Официальном комментарии к Конвенции содержатся также иные указания, а именно, детальное перечисление тех факторов, которые ВОЗ должна учитывать при составлении Списка III:

- a) процентное содержание наркотика в препарате;
- b) активность наркотика;
- c) природу ингредиентов, входящих в препарат, и их возможности противодействовать вредным свойствам наркотика;
- d) практическую возможность извлечения наркотика наркоторговцами или лицами, желающими его использовать с целью злоупотребления;
- e) терапевтическую ценность и значимость законного использования данного препарата.

Независимо от чисто фармакологических факторов ВОЗ должна учитывать также и такие практические факторы, как цена и техника изготовления. Как бы то ни было, число препаратов, выведенных из-под международного контроля, значительно сократилось по сравнению с предыдущими договорами: в настоящее время в Список III входят лишь 10 веществ вместо 40. Речь идет о препаратах, *изготовленных* на основе опиума, морфина, кокаина и синтетического наркотика — *дифеноксилата*.

Напротив, *вещества, относящиеся к Списку IV*; определены как «наиболее опасные». Единая Конвенция определяет их как «в максимальной степени способные стать предметом злоупотреблений и вызвать негативные последствия при отсутствии значительного терапевтического эффекта». Со своей стороны, Технический комитет относит к этому Списку вещества, обладающие следующими характеристиками:

а) вещества, обладающие сильными токсиманогенными свойствами и в особой степени способные стать предметом злоупотреблений при отсутствии значительного терапевтического эффекта, которым не обладал бы другой наркотик;

б) вещества, которые было бы желательно вывести из медицинской практики по причине их опасности для общественного здоровья.

Совмещение этих двух условий привело к тому, что число веществ, относящихся к Списку IV, сократилось до нескольких наркотических средств. На момент принятия Единой Конвенции их было 4: *героин*, *каннабис*, *дезоморфин* и *кетомебидон*. На сегодняшний день, после включения в Список *ацеторфина* и *эторфина*, их число составило 6.

Список IV наркотических средств является очень спорным, т.к. в нем поставлены в один ряд такой *мягкий наркотик*, как каннабис, чья опасность вызывает большие сомнения, и *героин* — *супертяжелый наркотик*, требующий инъекций и несравнимо более опасный. **Включение каннабиса в Список IV является, таким образом, главной несообразностью и несправедливостью Единой Конвенции.** Официальный комментарий допускает, впрочем, такую возможность, при которой, в случае получения соответствующих данных научных исследований, он может быть изъят из этого Списка и переведен в другой.

24. Перед лицом такого концептуального и регламентарного беспорядка принцип адаптирования диктует нам необходимость сохранения этих четырех Списков при перераспределении некоторых веществ и *уточнении их границ* в соответствии с логикой антипрогибиционизма.

Что же касается *Списка I*, то у нас уже был случай предложить новый критерий классификации на смену прежнему, который является либо противоречивым, либо попросту отсутствует. Мы также уже отметили, что ВОЗ обладает широчайшими и *почти неограниченными* полномочиями по внесению любого вещества в Список I.

По правде говоря, отсутствие четкости в определении понятия «наркомания» не является большой помехой для антипрогибиционистской логики. Следует напомнить, что *все вещества из Списка I могут стать объектом, для контролируемой легализации с возможностью их использования также и в иных целях, кроме медицинских.* Если понятие «наркомания» является весьма широким, это означает лишь, что широкой является также область применения международного контроля, а вовсе не область прогибиционизма. В том, что касается *Списка II*, можно прежде всего задать себе вопрос, является ли необходимым его сохранение, исходя из логики антипрогибиционизма. В самом деле, зачем нужно определять вещества, для которых предусматривается использование лишь в медицинских целях, если к этим целям добавятся также и другие, в равной мере подпадающие под международный контроль? Более того, различие в режимах по отношению к Списку I

и Списку II касается лишь розничной торговли и не представляет большой проблемы в сравнении с другими проблемами, возникшими в результате политики прогибиционизма и репрессий. Кроме того, тот факт, что в Список II входит лишь небольшое число наркотических средств, также снижает наш интерес к нему.

Впрочем, этот интерес не исчезает полностью, а существует в той мере, в какой существует идея *перенесения всех применяемых в медицине наркотических средств из Списка I в Список II* и подчинения их правилам особого распределения. В этой идее нет ничего ни шокирующего, ни даже затруднительного. Такое двойное кольцо — *медицинское*, с одной стороны и *рекреационное*, с другой — приемлемо также и с фармацевтической точки зрения, однако в той мере, в какой медицинская форма не будет отождествляться с рекреационной. Так, например, необходимо делать различие между курительным опиумом и медицинским. Критерий включения в Список II, не определенный, напомним, Единой Конвенцией, мог бы быть, таким образом, определен статьей 3.iii следующим образом:

«iii) Если Всемирная организация здравоохранения находит, что данное вещество из Списка I способно быть использовано в медицинских и научных целях, то Комиссия может, в соответствии с рекомендацией ВОЗ, внести данное вещество в этот список».

Что касается *свободных от контроля веществ из Списка III*, дополняющего в какой-то степени Список II, то можно сказать, что, освобождая от всех видов контроля препараты со слабым содержанием наркотических средств, не представляющие значительной опасности для здоровья, новая редакция Единой Конвенции вполне бы могла воспользоваться текстом старой. Можно было бы даже увеличить число препаратов и повысить пороги концентрации, предусмотренные Единой Конвенцией, т.к. и то и другое было значительно снижено по сравнению с предыдущими договорами. Так, например, по сравнению с 56 препаратами, свободными от контроля согласно Конвенции 1925 года по опию, в Единой Конвенции осталось только одно подобное вещество: смесь опия с ипекакуаной (*порошок Довера*).

Что же касается наркотических средств из *Списка IV*, определенных как самые опасные, то мы предлагаем сохранить его классификационный критерий (опасность, которую эти средства представляют для окружающих), хотя и в несколько иной форме, и оставить за этим Списком *исключительно прогибиционистскую функцию*.

Если говорить о *критерии классификации*, то мы уже увидели, что Единая Конвенция определяет вещества из Списка IV как особо опасные и способные стать предметом злоупотреблений при отсутствии значительного терапевтического эффекта. Если критерий риска злоупотреблений и опасности может быть сохра-

нен (с уточнением о том, что речь идет об опасности для общества и окружающих), то вряд ли стоит сохранять критерий терапевтической полезности, не представляющий более никакого интереса. С того момента, как исчезнет различие между медицинским, научным и «иным» использованием, отсутствие медицинской полезности не сможет больше служить причиной уголовной ответственности.

Следствием такой классификации Списка IV является то, что согласно Единой Конвенции Стороны могут вырабатывать меры запрета и применять уголовные санкции. Подобный жесткий режим может, в виде исключения, совмещаться с общим режимом контролируемой легализации. Таким образом, включение определенных веществ в Список IV позволило бы установить режим строгого запрета в отношении тех средств, чья особая опасность для общества и окружающих связана не только с наркотическими злоупотреблениями, но и с простым употреблением.

Из всего сказанного можно заключить, что статья 3 может быть сформулирована следующим образом:

Изменения в сфере применения контроля

1. В тех случаях, когда какая-нибудь Сторона или Всемирная организация здравоохранения располагает сведениями, которые, по ее мнению, могут потребовать изменения какого-либо из списков, она уведомляет об этом Генерального секретаря и представляет ему эти сведения в подтверждение указанного уведомления.

2. Генеральный секретарь препровождает это уведомление и любые сведения, которые он считает относящимися к делу, Сторонам, Комиссии и, если уведомление делается какой-нибудь Стороной, Всемирной организации здравоохранения.

3. В тех случаях, когда уведомление касается какого-либо вещества, еще не включенного в Список I или в Список II,

i) Стороны рассматривают в свете имеющихся сведений возможность временного применения к данному веществу всех мер контроля, применяемых к наркотическим средствам, включенным в Список I;

ii) впрямь до вынесения ею постановления, как это предусмотрено в подпункте iii настоящего пункта, Комиссия может постановить, чтобы Стороны временно применяли к этому веществу все меры контроля, применяемые к наркотическим средствам, включенным в Список I. Стороны временно применяют такие меры к веществу, о котором идет речь;

iii) если Всемирная организация здравоохранения находит, что данное вещество, включенное в Список I, способно быть использовано в медицинских или научных целях, Комиссия, в соответствии с рекомендацией Всемирной организации здравоохранения, может добавить данное вещество к Списку II.

4. Если Всемирная организация здравоохранения находит, что какой-нибудь препарат вследствие содержащихся в нем веществ не

способен быть предметом злоупотребления и не может вызывать вредных последствий (пункт 3) и что содержащееся в нем наркотическое средство не может быть легко извлечено, Комиссия может, в соответствии с рекомендацией Всемирной организации здравоохранения, добавить этот препарат к Списку III,

5. Если Всемирная организация здравоохранения находит, что какое-нибудь наркотическое вещество, включенное в Список I, особенно способно стать предметом злоупотребления и представляет опасность для общества и окружающих вследствие даже единичного использования, Комиссия может, в соответствии с рекомендацией Всемирной организации здравоохранения, добавить данное вещество к Списку IV.

6. В тех случаях, когда уведомление касается какого-нибудь наркотического средства, уже включенного в Список I или в Список II, или препарата, включенного в Список III, Комиссия помимо меры, предусмотренной в пункте 5, может, в соответствии с рекомендацией Всемирной организации здравоохранения, изменить любой из списков:

а) перенеся какое-нибудь наркотическое средство из Списка I в Список II или из Списка II в Список I; или

б) исключая какое-нибудь наркотическое средство или препарат, в зависимости от случая, из какого-либо Списка;

с) **перенеся какое-нибудь наркотическое средство из Списка наркотических средств в Список психотропных веществ.**

7. Любое постановление Комиссии, принятое на основании настоящей статьи, сообщается Генеральным секретарем всем государствам — членам Организации, Объединенных Наций, другим государствам — участникам Конвенции, не являющимся членами Организации Объединенных Наций, Всемирной организации здравоохранения и Комитету. Такое постановление вступает в силу в отношении каждой из Сторон в день получения ею такого сообщения, и Стороны принимают после этого такие меры, какие могут потребоваться на основании настоящей Конвенции.

8. а) Постановления Комиссии, изменяющие любой из списков, подлежат пересмотру Советом по просьбе, поданной любой Стороной в течение девяноста дней, считая со дня получения уведомления об этом постановлении. Просьба о пересмотре посылается Генеральному секретарю вместе со всей относящейся к делу информацией, на которой основана просьба о пересмотре;

б) Генеральный секретарь препровождает копии просьбы о пересмотре и относящуюся к делу информацию Комиссии, Всемирной организации здравоохранения и всем Сторонам, предлагая им представить свои замечания в течение девяноста дней. Все полученные замечания представляются Совету для рассмотрения;

с) Совет может утвердить, изменить или отменить постановления Комиссии, и решение Совета является окончательным. Уведомления о решении Совета посылаются всем государствам — членам Организации Объединенных Наций, государствам — участникам Кон-

венции, не являющимся членами Организации Объединенных Наций, Комиссии, Всемирной организации здравоохранения и Комитету;

d) До момента принятия решения Советом постановление Комиссии остается в силе.

9. *Постановления Комиссии, принятые в соответствии с настоящей статьей, не подлежат процедуре пересмотра, предусмотренной в статье 7.»*

Статья 4

25. Статья 4 Единой Конвенции посвящена общим обязательствам Сторон-участниц. Она сформулирована следующим образом:

«Стороны принимают такие законодательные и административные меры, какие могут быть необходимы для того, чтобы:

a) ввести в действие и выполнять постановления настоящей Конвенции в пределах их собственных территорий;

b) сотрудничать с другими государствами в выполнении постановлений настоящей Конвенции; и

c) при условии соблюдения постановлений настоящей Конвенции ограничить исключительно медицинскими и научными целями производство, изготовление, вывоз, ввоз, распределение наркотических средств, торговлю ими и их применение и хранение.»

Мы уже достаточно много комментировали этот текст, который нуждается в добавлении в параграф c) слов «и иными целями». Таким образом, он будет выглядеть следующим образом:

«с) при условии соблюдения постановлений настоящей Конвенции ограничить исключительно медицинскими, научными и иными целями производство, изготовление, вывоз, ввоз, распределение наркотических средств, торговлю ими и их применение и хранение.»

Статьи 5-11

Международные органы контроля

26. Эти статьи, определяющие функции контролирующих органов Единой Конвенции, в данном случае, Комиссии по наркотическим средствам Экономического и Социального Совета и Международного Комитета по контролю над наркотиками, являются совершенно нейтральными как с точки зрения прогибиционистской, так и антипрогибиционистской логики. В самом деле, в их компетенцию входит контролирование выполнения положений Конвенции, независимо от их содержания. Так что нет никакой необходимости принципиально менять эти статьи, идет ли речь о расходах международных органов контроля (ст.6), функциях Комиссии (ст.8), составе и функциях Комитета (ст.9), сроках полномочий и вознаграждении членов Комитета (ст. 10) или о правилах процедуры Комитета (ст.11. Тем не менее, следует упомянуть, что согласно статье 9.4 в функции Комитета входит ограничение культивирования, производства, изготовления и использования наркотических средств количеством, необхо-

димым для медицинских и научных целей. Такое положение, конечно же, несовместимо с антипрогибиционистским подходом. Ее необходимо изменить следующим образом:

«4. Комитет в сотрудничестве с правительствами и с учетом постановлений настоящей Конвенции стремится ограничить культивирование, производство, изготовление и использование наркотических средств достаточным количеством, необходимым для медицинских, научных и иных целей, ...»

Статьи 12 и 13

27. Статьи 12 и 13 Единой Конвенции посвящены применению систем исчислений и статистических сведений.

Наподобие ст.9 статья 12.5 предусматривает, что исчисления должны ограничиваться *«достаточным количеством, необходимым для медицинских и научных целей»*. Здесь также необходимо расширить сферу применения контроля, добавив в параграф 5 слова *«и иных целей»*. Таким образом, новая редакция будет выглядеть следующим образом:

«5. Комитет с целью ограничения использования и распределения наркотических средств достаточным количеством, необходимым для медицинских, научных и иных целей. и для обеспечения их наличия для таких целей в кратчайший по возможности срок утверждает исчисления, в том числе дополнительные исчисления, или, с согласия заинтересованного правительства, может изменить такие исчисления. В случае разногласий между правительством и Комитетом последний будет иметь право составлять, сообщать и публиковать свои собственные исчисления, в том числе дополнительные исчисления.»

Статья 13 не нуждается ни в каких изменениях.

Статья 14

28. Статья 14 посвящена мерам, принимаемым Комитетом для обеспечения выполнения постановлений Конвенции.

Эта статья не заслуживает никаких особых комментариев, поскольку она предоставляет Комитету весьма ограниченные права в отношении Сторон-участниц, отказывающихся выполнять постановления Конвенции. Единственная принудительная мера, способная произвести определенный эффект, сформулирована в параграфе 2 и дает право Комитету *«рекомендовать Сторонам приостановить любой ввоз или вывоз наркотических средств в страну или из страны-нарушительницы»*. При системе контролируемой легализации, когда государства заинтересованы скорее в *вывозе*, чем в *ввозе*, санкция, запрещающая любой вывоз в другие государства (даже если не говорить о ее весьма сомнительной эффективности), может показаться непригодной. Таким образом, *параграф 2 статьи 14 может быть попросту ликвидирован*, тем более, что он, кажется, никогда реально и не применялся.

Статьи 14 бис — 18

29. Эти статьи носят технический характер и дополняют постановления о функциях Комитета. Комиссии и Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Они не нуждаются ни в каких особых комментариях, за исключением ст. 18.с, касающейся *«незаконного оборота»*, к которой необходимо добавить положение о *контрабанде*. В самом деле, при системе контролируемой легализации торговли, занимающиеся незаконным оборотом легализированной продукции, являются, в действительности, *контрабандистами*, торгующими беспощинными или поддельными товарами. Торговцы способны также подменять вещества и продавать запрещенные наркотические средства, относящиеся к Списку IV.

Поэтому мы предлагаем сформулировать статью 18.с следующим образом:

«с) Такие данные, которые Комиссия укажет, относительно случаев незаконного оборота, включая данные о каждом случае обнаруженного незаконного оборота или контрабанды, который может быть важным либо потому, что он дает указания относительно источников получения наркотических средств для незаконного оборота или контрабанды, либо вследствие количеств, о которых идет речь, или методов, примененных лицами, занимающимися незаконным оборотом или контрабандой».

Статьи 19 и 20

30. Статьи 19 и 20 Единой Конвенции посвящены исчислениям потребностей в наркотических средствах и статистическим сведениям, представляемым комитету.

Эти статьи, определяющие *административные обязательства Сторон* по отношению к Комитету, уточняют объект *исчислений и статистических данных*, представляемых Комитету. Среди исчислений потребностей в наркотических средствах ст. 19.1.а указывает на *«количества наркотических средств, предназначенных для потребления в медицинских и научных целях»*. Здесь также следует добавить слова *«и иных целях»* с тем, чтобы привести эту статью в соответствие с антипрогибиционистским подходом. Таким образом, статья 19.1.а должна звучать следующим образом:

«1.а) количества наркотических средств, предназначенных для потребления в медицинских, научных и иных целях».

Статья 21

31. Статья 21 Единой Конвенции посвящена ограничению изготовления и ввоза наркотических средств.

Как и в случае многих других статей Единой Конвенции к ней необходимо лишь добавить в параграф 1.а. определение *«и в иных целях»* с тем, чтобы адаптировать ее к антипрогибиционистскому подходу.

В этом случае статья 21 будет выглядеть следующим образом:
«1. а) количества, потребленного в пределах соответствующего исчисления для медицинских, научных и иных целей;».

Статья 21 бис

32. Статья 21 бис касается ограничения производства опия.

Редакция этой статьи, направленная на ограничение производства опия в пределах необходимости, определенной исчислениями, никак не противоречит антипрогибиционистской логике. Ее вполне можно использовать для *контролирования продажи опия не только для медицинских и научных, но также и иных целей с тем, чтобы не допустить контрабанды и незаконной торговли. Таким образом, мы предлагаем оставить эту статью без изменений.*

Статья 22

33. Статья 22 Единой Конвенции посвящена специальному постановлению относительно культивирования. Она звучит следующим образом:

«1. В тех случаях, когда существующие в стране или территории условия делают запрещение культивирования опийного мака, кокаинового куста или растения каннабиса наиболее целесообразной, по их мнению, мерой для охраны народного здоровья и благополучия и для предупреждения перехода наркотических средств в незаконный оборот, заинтересованная Сторона запрещает такое культивирование.

2. Сторона, запрещающая культивирование опийного мака или растения каннабиса, принимает соответствующие меры для того, чтобы наложить арест на любые незаконно культивируемые растения и уничтожить их, за исключением небольших количеств, необходимых данной Стороне для научных или исследовательских целей.».

34. Такое положение, позволяющее какой-либо Стороне *запрещать культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис, совершенно очевидно, несовместимо с логикой антипрогибиционизма. Оно лишь наносит ущерб крестьянам стран третьего мира, никак при этом не защищая народного здоровья. Вот почему мы предлагаем заменить запрет на культивирование контролем над культивированием. Такой контроль, впрочем, предусмотрен статьей 23 по опию, статьей 26 по кокаиновому кусту и статьей 28 по каннабису. Таким образом, следует просто удалить статью 22 из Единой Конвенции.*

Статьи 23–25

35. Статьи 23-25 касаются условий культивирования и производства опия и маковой соломы.

Эти статьи, устанавливающие формы *контроля над культивированием*, вполне совместимы с антипрогибиционистским подходом. Они не нуждаются ни в каких изменениях. В них предусматривается обращение к государственным монополиям с целью контролирования районов и участков земли, на которых культивируется опий, предоставления лицензий на культивирование,

закупки всего урожая опия и маковой соломы. Все это направлено на то, чтобы не допустить контрабанду опия и гарантировать нормальные условия жизни производителей. Такие задачи вполне совместимы с системой контролируемой легализации, заинтересованной в пресечении всех видов контрабанды.

Статьи 26 и 27

36. Статьи 26 и 27 Единой Конвенции касаются режима в отношении *кокаинового куста и листьев кока*.

Эти статьи направлены на перенесение на *листья кока* режима в отношении культивирования и производства опия. Подобное перенесение несколько спорно, поскольку листья кока не вызывают наркоманию. Тем не менее, как уже было замечено, система контролируемой легализации прекрасно совмещается с системой государственных монополий *на производство и распределение*, с целью обеспечения удовлетворительного дохода для производителей и пресечения контрабанды. Таким образом, мы можем оставить эти статьи без изменений.

Однако мы не можем принять положение статьи 26.2, рекомендующее Сторонам принять меры по *«выкорчевыванию всех дикорастущих кокаиновых кустов»*. Эта трудноосуществимая мера противоречит, к тому же, *неотъемлемому праву каждого государства самому контролировать свои природные ресурсы*. Это она превращает Единую (Unitie) Конвенцию в несправедливую (iniqie) конвенцию. Впрочем, при системе контролируемой легализации государство, будучи владельцем монополии, будет и без всякого вмешательства международного сообщества заинтересовано в том, чтобы избежать конкуренции со стороны дикорастущих культур и, следовательно, уничтожить нелегальные плантации кокаиновых кустов, т.е. плантации, существующие вне нормативов, установленных монополией.

Поэтому мы предлагаем сформулировать статью 26.2 следующим образом:

«2. Стороны по мере возможности принимают меры по выкорчевыванию дикорастущих кокаиновых кустов.»

Статья 28

37. Статья 28 Единой Конвенции касается контроля над каннабисом. Она предусматривает распространение на каннабис норм контроля по отношению к опию и листьям кока. В этом смысле ее можно оставить без изменения, поскольку, как мы уже продемонстрировали, она вполне совместима с логикой антипрогибиционизма.

Статья 29

38. Статья 29 Единой Конвенции касается изготовления. Ее текст, устанавливающий административный контроль над лицами

и предприятиями, занимающимися изготовлением наркотических средств, не нуждается в изменениях, поскольку соответствует требованиям системы контролируемой легализации.

Статья 30

39. Статья 30 Единой Конвенции посвящена торговле и распределению наркотических средств.

Эта статья предусматривает регламентирование *торговли и распределения* наркотических средств в медицинских и научных целях. Она предусматривает также, что Стороны могут требовать, чтобы *«наркотические средства распределялись или отпускались отдельным лицам только по медицинскому рецепту»*, т.е. на основании *«официальных бланков в виде книжек с корешками»*.

Такие требования, совершенно очевидно, уместны лишь при условии потребления наркотических средств в медицинских и научных целях. Выдача наркотических средств по медицинским рецептам или на основании официальных бланков в виде книжек с корешками не только в медицинских, но и в «иных целях», теоретически возможна, но она представляется мало пригодной для рекреационного потребления, которое, по своей сути, является немедицинским. Поэтому мы предлагаем сохранить предусмотренные меры контроля лишь за сферой потребления наркотических средств в медицинских и научных целях и лишь в отношении наркотиков, включенных в Список II,

Таким образом, статья 30.2 b должна выглядеть следующим образом:;

«b) i) требуют предъявления медицинских рецептов для доставки или выдачи наркотических средств отдельным лицам. Это требование может не относиться к тем наркотическим средствам, которые отдельные лица могут законным образом получать, использовать, отпускать или назначать в связи с осуществлением ими надлежаще разрешенных терапевтических функций; и

i) если Стороны считают эти меры необходимыми или желательными, они требуют, чтобы рецепты на наркотические средства, включенные в Список II, выписывались на официальных бланках, которые выпускаются компетентными властями или уполномоченными на то профессиональными ассоциациями в виде книжек с корешками.»

Статья 31

40. Статья 31 Единой Конвенции посвящена международной торговле.

Текст этой самой длинной в Единой Конвенции статьи не нуждается ни в каких особых комментариях. Он прекрасно совмещается с системой контролируемой легализации. Он позволяет взять под контроль международную торговлю наркотическими средствами с использованием уже продемонстрировавших свою

эффективность механизмов (лицензии, сертификаты). А то, что является эффективным для контроля торговли в медицинских и научных целях, в равной мере, может оказаться эффективным и для рекреационных и иных целей.

Статья 32

41. Статья 32 Единой Конвенции касается провоза наркотических средств в аптечках первой помощи. Это чисто техническая статья не нуждается ни в каких изменениях.

Статья 33

42. Статья 33 Единой Конвенции посвящена *хранению наркотических средств* и звучит следующим образом: **«Стороны не разрешают хранение наркотических средств, иначе как на основании законного права.»**

Этот текст, который, в отличие от текста статьи 31 данной Конвенции, является самым коротким, нуждается, тем не менее, в некотором разъяснении. Спорным является момент, связанный с самим словом «хранение», а точнее с тем смыслом, который вкладывается в это слово. Некоторые правительства считают, что термин «хранение» подразумевает лишь *хранение с целью распространения*, а вовсе не простое обладание с целью потребления. В Официальном комментарии указывается на то, что, в любом случае, даже если хранение с целью потребления является уголовно-наказуемым деянием, оно заслуживает применения лишь самых мягких санкций, типа штрафа.

Тем не менее, даже в случае штрафа, такое определение вступает в противоречие с логикой антипрогибиционизма, которая никогда не согласится с каким бы то ни было наказанием за хранение наркотического средства с целью личного потребления. Напротив, она полностью согласится с тем, что *потребление в присутствии третьих лиц или за рулем* может быть наказуемо в той мере, в какой оно является *опасным для окружающих*. В частности, это касается потребления наркотических веществ, включенных в Список IV. Таким образом, мы предлагаем сформулировать текст статьи 33 следующим образом:

«1. Стороны не разрешают хранение или потребление наркотических средств, относящихся к Списку IV, иначе как на основании законного права;

2. При некоторых обстоятельствах Стороны могут запретить потребление наркотических средств с тем непременным условием, что подобное потребление способно стать причиной злоупотреблений, вредных для общества, и опасных для окружающих.»

Статья 34

43. Статья 34 Единой Конвенции посвящена *мерам надзора и инспекции*. Эта, в основном, техническая статья не нуждается

ни в каких изменениях. Её можно, следовательно, сохранить в ее настоящем виде.

Статьи 35, 36 и 37

44. Статьи 35, 36 и 37 Единой Конвенции посвящены постановлениям о наказаниях.

Первая из этих статей учреждает международное правовое сотрудничество в *борьбе с незаконным оборотом*, вторая призывает Стороны-участницы принять *постановления о наказаниях*, а третья касается *наложения и конфискации*.

Если первая и последняя статьи не нуждаются в особых комментариях, поскольку ограничиваются обеспечением сотрудничества в проведении превентивных и репрессивных мероприятий против незаконного оборота наркотических средств с возможностью наложения ареста на эти наркотические средства, то вторая статья (ст. 36), касающаяся *постановлений о наказаниях*, заслуживает внимания. В самом деле, наличие в международном соглашении постановлений о наказаниях сталкивает нас лицом к лицу одновременно с проблемой *компетенции* и с проблемой *внутреннего содержания*.

В том, что касается *компетенции*, то согласно международному уголовному праву инкриминирование и применение санкций относятся исключительно к компетенции самих государств. Международным договором не может, таким образом, установиться какие бы то ни было нормы в области уголовного права. Правом на их учреждение обладают лишь Стороны-участницы. Этот принцип, впрочем, зафиксирован в статье 36 Единой Конвенции, последние абзацы которой гласят:

«3. В вопросах юрисдикции постановления уголовного права заинтересованной Стороны имеют преимущественную силу перед постановлениями настоящей статьи.

4. Ничто, содержащееся в настоящей статье, не затрагивает принципа, что преступления, к которым она относится, определяются, преследуются и караются Стороной согласно внутреннему праву данной Стороны.»

Этот несколько запутанный язык требует дополнительного уточнения. Обычно все договоры делятся на так называемые *договоры «прямого применения» (self executing)* и *договоры «непрямого применения» (executory)*, положения которых выполняются не иначе, как по усмотрению самих государств. *Единая Конвенция относится, без сомнения, к числу договоров непрямого применения*, даже если в некоторых юрисдикциях, в основном, французской, предусматривается обратное. Но, невзирая на такое юридическое инакомыслие, решение этого правового вопроса не вызывает никаких сомнений. *Только сами Стороны-участницы обладают компетенцией устанавливать на своей территории нормы уголовного права.*

Что касается *сути*, т.е. *внутреннего содержания* инкриминируемых преступлений и санкций, предложенных составителями

Единой Конвенции, то вопрос заключается в том, могут ли Стороны-участницы предусматривать *менее суровые меры*, чем те, что предлагает Единая Конвенция. Действительно, если их право применять *более суровые меры* (ст.39 Единой Конвенции) не вызывает сомнения, то обратное весьма спорно. Факт ратификации договора подразумевает на деле обязательства сторон по выработке уголовных санкций, соответствующих положениям Конвенции.

Статья 36.1.a предусматривает на этот счет, что каждая Сторона принимает меры, необходимые для того, чтобы «*культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, переправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств в нарушение постановлений настоящей Конвенции*» признавались наказуемыми деяниями. Таким образом, настоящая редакция обязывает Стороны признавать наказуемыми деяниями вышеназванные операции, но не предусматривает применения в обязательном порядке очень суровых мер, т.к. текст ограничивается указанием, что «*преступления будут подлежать соответствующему наказанию, в частности тюремному заключению*».

Что касается инкриминируемых преступлений, то их список в параграфе 1.a является одновременно многословным, длинным и неполным. Так непонятно, зачем одновременно включать в перечень «*предложение с коммерческими целями*» и «*продажу*», «*переправку транзитом*» и «*передоз*». К тому же, мы уже указывали при обсуждении статьи 33 на недостаточную четкость термина «*хранение*», не различающего хранения с целью личного потребления и хранения с целью продажи (тем более, что в статье 36 необходима именно вторая интерпретация). Наконец, в тексте никак не упоминаются такие преступления, как *сговор, отмывание денег, подстрекательство к употреблению или продаже*. Последние, правда, вошли позднее в текст статьи 3 Венской Конвенции 1988г.

Эта Конвенция, действительно, предусматривает, что «каждая Сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться, с тем чтобы признать уголовными преступлениями согласно своему законодательству следующие действия, когда они совершаются преднамеренно:

а) ...

b) i) конверсию или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом (a) настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушении, с тем чтобы он мог уклониться от ответственности за свои действия;

ii) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности или ее принадлежности, если известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом

(а) настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушении;

с) с учетом своих конституционных положений и основных принципов своей правовой системы: ...

iii) публичное подстрекательство или побуждение других любыми средствами к совершению любого из правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, или к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ;

iv) участие, причастность или вступление в преступный сговор с целью совершения любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, попытки совершить такое правонарушение или правонарушения, а также сопричастность, подстрекательство, содействие или дача советов при их совершении».

Все эти деяния можно сформулировать более лаконичным образом, включив в текст будущей Единой Конвенции следующие преступления: «отмывание денег», «сговор» и «подстрекательство к употреблению или продаже». Можно также добавить «контрабанду», которая при системе контролируемой легализации постепенно заменит торговлю.

В окончательном виде статья 36.1 могла бы выглядеть следующим образом:

«1.а) С соблюдением своих конституционных ограничений каждая Сторона принимает меры, которые обеспечат, что культивирование, производство, изготовление, приготовление, предложение, подстрекательство к употреблению, распределение, покупка, продаже, доставка на каких бы то ни было условиях, мажорство, отправка, перевоз, контрабанда, ввоз и вывоз наркотических средств в нарушение постановления настоящей Конвенции, сговор с целью совершить эти преступления и «отмывание» денег, полученных в результате совершения одного из этих преступлений, или какое, иное действие, которое, по мнению Сторон, может являться нарушением настоящей Конвенции, будут признаваться наказуемыми деяниями в тех случаях, когда они совершены умышленно, а также, что серьезные преступления будут подлежать соответствующему наказанию, в частности тюремным заключением или иным способом лишения свободы.»

Статья 38

45. Статья 38 касается борьбы со злоупотреблениями наркотическими средствами. Эта статья, касающаяся вопросов лечения наркоманов, не нуждается ни в каких изменениях.

Статьи 38 бис — 51

46. Положения статей 38 бис — 51 Единой Конвенции касаются лишь технических и процедурных правил, регламентирующих территориальное применение (ст.38 бис, 42 и 43), временные

сроки — включая положения о прекращении действия предыдущих конвенций о наркотиках (ст. 41, 44 и 45), возможности денонсации (ст.46), поправок (ст.47) и оговорок (ст.49 и 50), а также порядок разрешения споров между Сторонами (ст.48) и язык Конвенции (ст.40). Напомним, что, обсуждая возможности внесения оговорок, мы уже предлагали изъять пункт 2 статьи 49 с тем, чтобы переходные оговорки в пользу традиционно возделываемых культур приобрели бы окончательный характер.

С. Организация парламентской кампании за денонсацию и внесение поправок: возможные инициативы

47. Юридические рамки

Как мы уже увидели, какое-либо государство или группа государств имеет право на внесение поправок к любой статье Конвенций Организации Объединенных Наций о наркотических средствах и даже на полную их денонсацию.

Денонсация является односторонним актом, с помощью которого одна из Сторон выходит из Конвенции и не связывает себя более обязательствами по выполнению ее постановлений. Это является актом огромного политического значения, который, однако, не способен сам по себе вызвать серьезные дискуссии о причинах денонсации Конвенции. В какой-то степени, этому чисто негативному по своей природе акту не хватает позитивного начала, в котором присутствовали бы альтернативные направления политики в отношении наркотических средств.

Конечно же, денонсация Конвенции государством или группой государств служит, в какой-то степени, примером для других государств, которому они могут последовать. Однако сама Конвенция от этого никак не пострадает, разве что число участников опустится ниже минимально допустимого уровня (1).

Именно по этой причине нам кажется необходимым начинать сейчас кампанию за денонсацию Конвенций 1961 и 1971 гг. Действительно, если с одной стороны, объективно сложно снизить число государств-участников ниже минимально предусмотренного количества, с другой стороны, такая стратегия не позволила бы одновременно создать новые международные юридические рамки в качестве альтернативы упраздняемым Конвенциям. Если эти соображения справедливы, то нам необходимо отвергнуть путь денонсации этих двух Конвенций и избрать путь внесения поправок.

Денонсация Венской Конвенции 1988 года

48. Совсем иная ситуация сложилась вокруг Венской Конвенции 1988 года. Она полностью непригодна для внесения в нее поправок антипрогибиционистского характера, хотя бы потому,

что, будучи задуманной как орудие борьбы с незаконной торговлей, на деле она лишь усиливает прогибционистский режим вплоть до покушения на принцип презумпции невиновности человека, подозреваемого в хранении запрещенных веществ. *Таким образом, очень важно чтобы (как уже говорилось выше) денонсация Конвенции государствами-участниками стала бы одной из главных задач кампании.*

Поправки к Единой Конвенции 1961 года

49. Процедура внесения поправок важна по двум причинам:

a. она представляет собой конкретный подход к решению вопроса, позволяющий непосредственно изменить основы политики, продемонстрировавшей свою полную несостоятельность;

b. она позволяет запустить в действие механизм процедур, предусмотренных Конвенцией, даже в случае представления только одной поправки со стороны одного государства; предусмотренные процедуры могут привести к созыву международной конференции для обсуждения представленной поправки.

Впрочем, поскольку вполне резонно предположить, что предусмотренные Конвенцией компетентные органы не избежат, вероятно, процедуру, согласно которой принятие поправки откладывалось бы на 18 месяцев (2), *то можно ожидать, что такой процедурой станет созыв Конференции для обсуждения представленной поправки.*

У этой процедуры есть тройное преимущество:

— она предоставляет возможность изменять Конвенцию таким образом, чтобы органы контроля не могли каким бы то ни было способом «отфильтровать» эти изменения;

— ее можно запустить в ход в любое время;

— она позволяет организовать координированное представление различных поправок со стороны различных государств, демонстрируя при этом насущную необходимость коренного преобразования Конвенции и создавая условия для начала серьезной дискуссии, без которой никакая международная конференция не приведет к существенному изменению Конвенции.

Действительно, центральной и новаторской чертой этого демарша является то, что предусмотренная Конвенцией процедура внесения поправок сможет привести к созыву международного форума, обладающего, с одной стороны, авторитетом, полномочиями и мандатом на подведение итога тридцатилетней политики прогибционизма и, с другой стороны, на выработку возможных направлений новой политики начиная с принятия поправок.

Еще важнее создания условий для внесения тем или иным государством пакета поправок, о которых говорилось выше, является совместное представление со стороны как можно большего

числа государств поправок, касающихся, лучше всего, специфических ситуаций в этих странах.

Ключевые поправки

50. Ключевые поправки могут быть разделены на две основные категории.

А. Первая включает в себя поправки, направленные на то, чтобы легальная продажа наркотических средств производилась бы не только для медицинских и научных целей, как это предусмотрено в настоящее время, но и в «*иных целях*» (*рекреационных*).

Введение в основу Единой Конвенции слов «в иных целях» или «в рекреационных целях» автоматически и радикально изменит ее радиус действия, поскольку делает легальной продажу наркотических средств для этих целей.

Это никак не затронет действующие постановления, касающиеся как международного контроля, так и направленные на пресечение и борьбу со злоупотреблениями и незаконной торговлей наркотическими средствами (контрабандой). Такое расширение радиуса законного употребления не распространяется, конечно, на некоторые виды наркотиков, даже разовое употребление которых может оказаться опасным не только для самого потребителя, но и для окружающих. Для таких наркотиков прогибиционный режим остается в силе.

В. Вторая категория поправок направлена на изменение классификации того или иного вещества. Подобные поправки могут быть внесены как для того, чтобы перевести одно из веществ из одного Списка наркотических средств в другой, так и для того, чтобы изъять его из списка контролируемых наркотических средств или перевести из списков наркотических средств Конвенции 1961 г. в разряд психотропных веществ Конвенции 1971 г.

Что касается, например, каннабиса и листьев кока, то перенесение их в другой Список позволило бы восстановить иерархию наркотических средств, более соответствующую тому понятию, согласно которому наркотическое средство определяется в соответствии со степенью вызываемой им физической зависимости.

Таковы, в основном, два направления поправок — изменение рыночного пространства и классификационное перераспределение — позволяющие произвести ревизию данной Конвенции в духе антипрогибиционизма.

Особенности кампании

51. Международную кампанию по этому вопросу необходимо начать в парламентских кругах. Действительно, поскольку именно парламенты в свое время ратифицировали Конвенции, то вполне логично, что именно они должны предложить своим правительствам изменить *содержание Конвенций*.

С этой точки зрения, стратегия, которую нам необходимо осуществить, должна привести к выработке текста парламентской резолюции, которую можно было бы затем представить одновременно в различных парламентах.

В общих чертах такая резолюция могла бы выглядеть следующим образом.

*** мотивация, включающая:**

- основную аргументацию, демонстрирующую несостоятельность прогибационистского режима;
- указание на базовый принцип Конвенций ООН, лежащий в основе современной политики в отношении наркотиков;
- вывод с предложением об изменении Конвенций;

*** порядок, предусматривающий:**

- просьбу к правительству о представлении одной или нескольких поправок к Единой Конвенции 1961 г.;
- просьбу к правительству о денонсации Венской Конвенции 1988 г.;
- текст одной или нескольких поправок, которые, по мнению парламента, должны быть представлены правительством,

Вывод

52. Как мы уже увидели, акт представления поправок и/или денонсации со стороны одного из правительств не означает еще сам по себе установления на месте существующего режима антипрогибационистской системы.

Эти процедуры способны привести лишь к констатации несостоятельности существующей системы и к началу дискуссии путем созыва международной конференций.

Совершенно очевидно, что, если бы парламентская инициатива была бы осуществлена в различных парламентах и отразилась бы на общественном мнении, то она смогла бы быстро привести к принятию необходимых резолюций и явиться, таким образом, первым решительным шагом к изменению современной ситуации путем согласования новых Конвенций Организации Объединенных Наций и тем самым, к Проведению новой международной политики в области наркотиков.

* По этому поводу необходимо, однако, подчеркнуть, что, если Конвенция 1961 г. определяет в качестве обязательного минимума, необходимого для того, чтобы она смогла вступить в действие и оставаться в силе, наличие 40 государств-участников, то Конвенция 1988 г. определяет лишь порядок вступления в действие (минимум, 20 государств), не уточняя условия, необходимых для прекращения ее действия.

* В любом случае, даже если государство выступит против вступления в действие какой-либо поправки, Совет может принять решение о созыве Конференции для рассмотрения этой поправки.

Обращение с призывом реформировать Конвенции ООН по наркотикам

к Генеральному Секретарю ООН и государствам – членам ООН

Мы, нижеподписавшиеся

А. Принимая во внимание, что политика в области наркотиков на международном уровне основана на Конвенциях Организации Объединенных Наций 1961, 1971 и 1988 гг., и принимая во внимание, что эти конвенции запрещают, в частности, производство, торговлю, продажу и потребление целого диапазона веществ не в медицинских или научных целях;

В. Учитывая, что несмотря на наличие огромной полицейской власти и других ресурсов, направленных на применение этих Конвенций ООН, рост производства, потребления и торговли запрещенными веществами увеличивался за последние 30 лет по экспоненте,

В отношении программ предотвращения и лечения

Принимая во внимание, что:

— употребление наркотиков, особенно молодыми людьми, является серьезной проблемой во всем мире,

— все цивилизованные нации пытаются найти наилучшие методы контроля за употреблением наркотиков,

— долгая история прогибационизма продемонстрировала в конечном счете, что попытки полагаться прежде всего на действия правительства, основанные на применении уголовного законодательства и полицейских сил, оказывают лишь косвенный эффект в отношении контроля за употреблением наркотиков,

— кроме этого, существуют достоверные данные, что эффективные программы лечения должны быть в значительной степени свободными от правительственных ограничений, позволяя таким образом как можно более широкое экспериментирование по поиску возможностей улучшить оказание помощи жертвам наркомании.

В отношении производства и торговли

Принимая во внимание, что:

— подавляющее большинство наркотиков свободно перемещается по всему миру вопреки прогибационистским законам,

— размеры все возрастающей прибыли, которую преступные организации извлекают из торговли незаконными веществами

и которая вновь вкладывается в преступную деятельность или легальный финансовый оборот, достигли такой величины, что это приводит к подрыву основ легальных органов и конституционного правительства,

— доходность торговли незаконными веществами может привести только к увеличению количества стран, вовлеченных в производство наркотиков, и огромным вложениям в разработку и производство новых химических наркотиков,

— главным результатом вовлечения огромных ресурсов в процесс обуждания торговли незаконными веществами явилось увеличение цен на наркотики, выгодное лишь организованным преступным корпорациям.

В отношении социального и медицинского аспекта потребления

Принимая во внимание, что:

— потребители незаконных веществ обычно испытывают недостаток надежной информации относительно состава и действия наркотиков и следовательно подвергаются риску (включая смерть в результате передозировки и инфекции ВИЧ/СПИД), который значительно превосходит опасный характер самих наркотиков,

— тайный характер потребления незаконных веществ часто представляет собой непреодолимое препятствие для профилактической работы по предотвращению наркомании, а также для оказания наркоманам помощи властями и частными организациями; сегод-

няшняя политика тем самым выталкивает потребителей наркотиков на самый край общества, где они находятся в постоянном контакте с преступным миром,

— деятельность организованной преступности приводит к быстрому росту количества потребителей наркотиков, причем их побуждают переходить от таких относительно безопасных веществ, как производные конопли, к потреблению так называемых тяжелых наркотиков,

— огромные финансовые потребности и давление со стороны организованной преступности толкают потребителей незаконных веществ на то, чтобы самим становиться торговцами, что еще больше увеличивает уровень наркомании.

В отношении вопросов законодательства и тюремной системы

Принимая во внимание, что:

— применение репрессивных законов о наркотиках в конечном счете оказывает такое значительное влияние на национальную и международную законодательную и тюремную систему, что большое количество находящихся сейчас в тюрьмах заключенных осуждены за преступления, прямо или косвенно связанные с наркотиками,

— реализация сегодняшней политики в области наркотиков ведет к введению в национальные законодательства положений, ограничивающих личную свободу и гражданские свободы;

— разумность текущей политики и поиск альтернативных решений в настоящее время рассматриваются во все возрастающем количестве стран.

1. Утверждаем, что прогибационистская политика в области наркотиков, основанная на Конвенциях ООН 1961, 1971 и 1988 гг.,

фактически является причиной все возрастающего вреда, который производство, торговля, продажа и потребление незаконных веществ наносят целым слоям общества, экономики, а также общественным учреждениям, подрывая здоровье граждан, ограничивая свободу и унося человеческие жизни, а также ввиду предстоящего совещания Министров в рамках Комиссии по наркотикам, которое будет проведено в венском Офисе ООН 16 и 17 апреля 2003 г.;

2. Призываем Генерального секретаря и Государства — члены ООН рассмотреть положительные результаты, полученные в результате внедрения в нескольких странах программ, включающих снижение вреда и риска (в особенности путем программ замещающей терапии), декриминализацию потребления определенных веществ, частичную декриминализацию продажи конопли и ее производных и распределение героина под медицинским контролем;

3. Призываем Генерального секретаря и Государства — члены ООН принять меры для повышения эффективности борьбы против организованной преступности и торговли наркотиками, установив систему законодательного контроля и регулирования производства, продажи и потребления веществ, включенных в настоящее время в список запрещенных препаратов;

4. Призываем Генерального секретаря и Государства — члены ООН начать процесс пересмотра Конвенций ООН с тем, чтобы реформировать или внести изменения в Конвенции 1961 и 1971 гг. с целью переклассификации веществ и обеспечения легальной возможности использования наркотиков не только для медицинских и научных целей, и аннулировать Конвенцию 1988 г.

Искренне,

http://www.radicalparty.org/lia_paa_appeal_new/form.php?lang=ru

В видении мы ждем самих себя

Мы можем теперь подойти к новому видению себя и своей роли в природе. Мы — приспосабливающийся ко всему вид, мы — мыслители, созидатели, мы те, кому решать проблемы. Эти великие дары, принадлежащие только нам и пришедшие из эволюционной матрицы планеты, они — не для нас, не для нашего удобства, не для удовлетворения или большей славы. Они для жизни: это особые качества, которые мы можем привнести как свой вклад в великую общность органического бытия, если мы намерены стать заботливыми садовниками, стать матерью нашей Матери — Земли живой.

Вот где великая тайна. Посреди медленно движущейся пустыни нерелексирующей природы мы выходим на самих себя и, быть может, видим себя впервые. Мы колоритны, ярки, сварливы и живем надеждой и мечтой, будто мы, насколько нам известно, уникальны во Вселенной. Мы слишком долго спали и были скованы силой, которой уступили свои самые благородные стороны и самых благородных из нас. Пора восстать и взглянуть в лицо тому факту, что мы должны и можем изменить свой ум.

Долгая ночь человеческой истории наконец приближается к концу: воздух стихает, и восток озаряется розовой краской рассвета. Но в мире, который мы всегда знали, неумолимо надвигается вечер, тени удлиняются к ночи, которой не будет конца. Так или иначе, история безрассудной обезьянки почти навсегда закончилась. Наш удел — отвернуться без сожаления от того, что было, чтобы встретиться лицом к лицу с самими собой, своими родителями, возлюбленными и детьми, собрать все свои инструменты, своих животных и старые-престарые мечты, так чтобы мы смогли двинуться в визионерский ландшафт все более углубленного понимания. Будем надеяться, что там, где нам всегда было более всего уютно, где мы более всего были самими собой, мы обретем славу и триумф в поисках смысла в нескончаемой жизни воображения, в игре в полях, вновь обретенного, наконец, Эдема.

... www.entheogen.ru/texts/food.rar